

ЛитРес:

АЛЕКС Д
ЛАНА МЕЙЕР

18+

*Скандальный
роман*

**Алекс Д
Лана Мейер**
Скандальный роман
Серия «Новогодние (не)сказки»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48782272
Скандальный роман:*

Аннотация

Казалось бы, эти двое никогда не должны были встретиться. Алекс – популярный автор и сценарист, за плечами которого ни один успешный проект и мировая слава. Лана – обычная студентка Колумбийского университета, которая только делает первые шаги на писательском поприще. Один взгляд. Случайное столкновение.

События, которых невозможно было избежать, привели героев к необычному для обоих эксперименту – соавторству между преподавателем и его прилежной студенткой и «Скандальному роману», разворачивающемуся на фоне поразительного воображение Рождественского Нью-Йорка.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	39
Глава 3	59
Глава 4	101
Глава 5	115
Глава 6	142
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Алекс Д, Лана Мейер

Скандальный роман

*«Вы встречали когда-нибудь ту,
что в холодный ноябрьский вечер,
ради вашей немыслимой встречи,
хоть босой побежит в темноту?»*

Зинаида Колчина

Пролог

США. Январь, 2017 года.

ADark: Привет, кажется, кому-то не спится. Не хочешь поболтать?:-)

OceanHeart: Не разговариваю с незнакомцами!

ADark: Исправь положение – добавь в друзья.))

OceanHeart: Не уверена, что нуждаюсь в компании.

ADark: Мне кажется, что ты лукавишь? А если я скажу, что являюсь поклонником твоего творчества?

OceanHeart: Я не поверю.

ADark: Больше нравится верить отрицательным отзывам?

OceanHeart: Сложно сомневаться во мнении большинства.

ADark: Большинство – это 20 процентов троллей, 30 процентов тех, кто даже не читал, но любит напакостничать, 10 процентов я обычно отвожу ханжам и моралистам, хотя их больше, но я стараюсь думать о людях лучше. А остальные просто на другой волне. Поверь, не каждый напишет, что ему понравилось, зато нагадить всегда пожалуйста, так уж устроен человек.

OceanHeart: Не похоже, что ты стараешься думать о людях лучше.

ADark: Мне кажется, я просто знаю о них правду.))

OceanHeart: А они о тебе?

ADark: Не думаю. Но я могу тебе позволить немного узнать обо мне. Немного больше, чем другие.

OceanHeart: Вот это самомнение. И кто ты, о, великий?

ADark: Прочитай ник.!!!

OceanHeart: Хаааа. Ты парень или девушка?

ADark: Пол указан в информации моего профиля. Я парень. Мне за тридцать, но тебе не будет со мной скучно, и я не стану тебя воспитывать или пытаться развести на секс.

OceanHeart: Думаешь, что здесь такое возможно? Я про секс.

ADark: Ты недооцениваешь возможности сети. Я рад, что ты улыбаешься.

OceanHeart: Ты не видишь моего лица.

ADark: Это необязательно. Я знаю, что это так.

OceanHeart: Пытаешься впечатлить меня или напугать?
смайл: SOS

ADark: Ни то, ни другое. Говорю то, что думаю.

OceanHeart: И часто ты так делаешь?

ADark: Всегда.

OceanHeart: Я думаю, что такие друзья мне пригодятся.
Я тебя добавила.

ADark: Как я могу называть тебя?

OceanHeart: Оушен. А ты...?

OceanHeart: Ну, и куда ты сбежал?

ADark был в сети одну минуту назад.

Глава 1

«Случайная встреча – самая неслучайная вещь на свете».

Хулио Кортасар «Игра в классики».

Ноябрь 2017 года

Алекс

Вы знаете, что такое дерьмовое утро? Нет, это не тот устойчивый случай, когда ты не выспался, не хочешь идти на нелюбимую работу или не можешь побороть внутри себя лентяя, который настойчиво убеждает тебя зарыться головой под подушку и забить на назойливо трезвонящий будильник, взрывающий мозг резкими, пронзительными звуками. И этот лентяй кажется тебе самым родным и понимающим тебя человеком, и ты с радостью пожал бы ему руку, поплакался в жилетку, а он непременно понял бы тебя и снова посоветовал забить на работу и насладиться теплом уютной постели. И я бы назвал такое утро милым, обыденным, привычным для большинства ньюйоркцев, хотя... Тут я ошибаюсь. Типичные ньюйоркцы встают гораздо раньше и в размеренном, годами выверенном ритме производят ряд запланированных действий. Пробежка. Душ. Завтрак, а по-

том уже поход на работу. Из всего перечисленного я не пренебрегаю разве что душем, но и тот требует у меня максимальных затрат энергии. Бля*ь, только не думайте, что советующий лентяй это я и есть. Я не такой. На самом деле глумливый ублюдок, который вечно советует херню, есть в каждом, но я почему-то слышу его чаще других.

По-настоящему дерьмовое утро совсем другое. И, к моему великому сожалению, сегодня меня встретило именно оно. Точнее, ещё не встретило. Я, можно сказать, на длительном, изнурительном, полном препятствий пути. Для начала необходимо открыть хотя бы один глаз.

Кажется, получилось. С трудом, но я справился. Ура. Половина успеха. Теперь второй. Я герой. Замечаете, что даже дерьмовым утром я умудряюсь сохранять присутствие духа, слагаю стихи и пытаюсь шутить. Я не веселый человек, не обольщайтесь.

Взгляд фокусируется на плотно закрытых жалюзи на окнах, и я не сразу понимаю, куда на хер делись тяжелые портьерные шторы, которые два года назад покупала для спальни Анна. Она мне весь мозг тогда съела, выбирая цвет, материал, орнамент, уверенная в том, что мне есть дело до того, подойдет ли оттенок ткани под пуфики возле кровати. Спросите меня – я, вообще, в курсе, что у нас есть пуфики? Я думаю, ответ логичен. Однако мне пришлось принять участие в выборе еще одной неважной для меня детали интерьера и кивнуть в нужный момент. Выбор был не самым уто-

мительным занятием. Куда дальше я обещал повесить новые шторы, которые сшили на удивление быстро. Не знаю, кто в итоге их повесил, но как-то утром, таким же дерьмовым как сейчас, я проснулся и увидел не гребаные жалюзи, а тяжелые плотные портьеры, из-за которых даже днем в спальне царил кромешная тьма. А когда я встал и раздвинул их, то меня посетила случайная мысль, что в спальне чего-то не хватает. Признаюсь, я не самый внимательный человек на свете, как большинство мужчин, не придающий значения мелочам вроде баночек с кремами на туалетном столике, фарфоровых вазочек и коллекции глиняных кошек, которые Анна собирала по всему миру во время путешествий.

Их отсутствие я заметил поздно ночью, вернувшись после очередной попойки в клубе с... *неважно с кем*. У мужчин могут быть свои тайны, хотя обычно прекрасные представительницы слабого пола настаивают на неприкосновенности своего личного пространства. Мы не хуже. Все хотят немного свободы. Но, блин, Анна решила, что я перегнул, и я понял всю глубину ее обиды, когда обнаружил пустую гардеробную. Исчезли не только никчемные кошки и постоянно падающие на пол тюбики с косметикой. Анна – моя жена, законная супруга. Я не говорю бывшая, потому что мы еще официально не развелись. Инициатором разрыва был не я, и то, что до сих пор Аня не подала на развод, тешит меня надеждой, что не все еще потеряно. Конечно, это иллюзии, но иногда они необходимы, чтобы окончательно не уйти на дно.

Так вот, в тот злосчастный вечер я прошелся по комнатам детей, подтвердив свои подозрения о том, что Анна в очередной раз психанула. Наверное, мне стоило позвонить ей, не потому, что я действительно боялся, что она приняла окончательное решение, а ради детей. Но я был настолько пьян, что предположил, что она будет совсем не рада слышать мой голос в таком состоянии. И, наверное, был прав. Теперь бесполезно строить догадки, ведь я ничего не сделал тогда, чтобы остановить ее.

А это была не банальная истерика, к которым я привык за двенадцать лет брака. Анна ушла насовсем. И я ее отлично понимаю. Она чертовски права. Человек, у которого каждое второе утро – дерьмовое, не может быть ни хорошим мужем, ни хорошим отцом. Она вовремя свалила, не застав пик моей деградации. Цинично, да? Но это все бравада, защитная реакция. Женщины, когда их бросают мужья, любовники, ведут себя несколько иначе. Для них предельно ясно кто из них двоих козел.

Будильник в мобильном продолжает надрываться, издеваясь над моей нервной системой, пока я пялюсь на жалюзи и вспоминаю, какого хрена я просрал свой брак. И во что превратил жизнь.

Поганое чувство, скажу я вам – запоздалый стыд вперемишку с похмельным синдромом. Не помню, когда я в последний раз просыпался в другом состоянии духа. Каждое утро начинается одинаково. Пограничное состояние между

смертельной усталостью и полнейший по*уизмом.

Жажда заставляет меня подняться, что непросто сделать в моем разбитом состоянии. Тело болит так, словно меня всю ночь пинали.

Хрен его знает, может быть, так и было.

Я, наконец, оглядываюсь по сторонам, и ко мне приходит откровение. Никто не украл портьерные шторы, будь они неладны, с маниакальным желанием напакостничать мне, заменив их на жалюзи. Я провел ночь не в спальне, а на жестком диване в кухне под пледом и без подушки. Прояснилась и ситуация с болью в мышцах, которые еще, как ни странно, присутствуют в моем теле. Многолетняя увлечённость любительским футболом дает о себе знать.

Правда, последний год я играю в футбол исключительно пустыми бутылками.

Так, стоп. Я создаю сейчас неверное впечатление. Я не алкоголик, а в меру пьющий мужчина в состоянии затяжного творческого кризиса. Я могу позволить себе пропустить стаканчик в клубе в пятницу или субботу, или в любой другой день, когда появляется подходящее настроение или веселая необременительная компания. Могу покурить марихуаны или нюхнуть чего-нибудь совсем вредного, но не ради кайфа. Нет, я ищу вдохновение во всех проявлениях жизни. Раньше этот метод работал, сейчас не очень. Но я все еще в поиске новых ощущений.

Пару лет назад моей жене надоело ждать, пока я выйду

из своего образа brutального страдающего ублюдка. Анна никогда не пыталась понять, что людям с моим особенным внутренним миром свойственны нестабильные пограничные состояния, и иногда нужно просто переждать, не пытаясь меня изменить или спасти. Но женщины упрямые существа. Они нуждаются в том, чтобы лечить, перевоспитывать, спасать, наставлять на путь истинный. Не все. Некоторым похер. С теми, кому похер, я люблю выпить в баре за углом. Им похер даже на то, что я женат, и меня более чем устраивает подобный расклад. А Анна, к сожалению, была не согласна с таким положением дел. Она таскала меня на семейную терапию. Свихнуться можно! На долбанную терапию, где промывают мозги, пытаюсь заставить тебя поверить в то что, ты еще больший кретин, чем ты думал. Но я искренне хотел сохранить семью. Я совершил подвиг, дав свое согласие, но Аня не оценила. Женщинам всегда мало двух шагов, им нужно, чтобы ты выложился на все сто и пробежал дистанцию, а не прополз несколько метров на брюхе. Меняхватило на три раза. До сих пор просыпаюсь в холодном поту, вспоминая приземистого толстого семейного психолога, который наблюдал за нами сквозь толстые линзы очков с каким-то извращенным злорадством. Я ощущал себя, как шимпанзе в зоопарке, за которым следят с нездоровым любопытством, пытаюсь понять, что я хочу сожрать: банан или апельсин.

Достаточно философии для еще одного дерьмового утра? Или можно понудеть еще? Не обращайтесь внимания. Я не все-

гда такой. Вы еще не видели меня пьяным. Вот, где настоящая смесь комедии, трагедии, драмы и варьете. Раз увидишь, не забудешь.

Делая очередное невероятное усилие над собой, встаю с дивана, потягиваю затекшие мышцы и плетусь в ванную, по дороге пытаюсь вспомнить, почему я голый, и где моя одежда.

Душ в таких случаях всегда только холодный. После вечеринки в клубе, закончившейся под утро, теплый душ быстрее усыпит, чем заставит раскрыть глаза шире, и придаст моей мятой физиономии сносный вид.

Из душа я сразу шлепаю босыми ногами в спальню, одинокую пустую спальню. Я очень хотел оставить просторный дом жене и детям, совершить мужской поступок и уйти сам, но Анна заявила, что он ей никогда не нравился, и ... мне пришлось купить ей новый. Она объяснила свое решение тем, что дети должны чувствовать себя как дома, когда будут приходить ко мне на выходные. За два года они ночевали у меня не больше двадцати раз. И не спрашивайте почему, но я всегда прихожу на помощь, если Анне нужно отвести Кристину или Марка в школу или на дополнительные занятия, я полностью обеспечиваю их одеждой, оплачиваю репетиторов для Марка, ему тринадцать, и уже пора думать о колледже. А еще танцы для дочери, которая только пошла в школу, и ей сейчас непросто, но и с ней тоже не очень легко. Не только мне, но и учителям. Раз в месяц мы с Анной ходим на

ковер к директору школы, которая рассказывает нам о «подвигах» нашей подвижной и активной дочери. После я никогда не могу подобрать слов для разговора с Крис, в отличие от Анны. Она справляется с детьми намного лучше, чем я.

Я люблю их. Очень. И они знают об этом. Уверен, что Кристина и Марк понимают меня больше, чем я сам, больше, чем их мать. У детей совершенно другое видение, и я хотел бы искать вдохновение в их утренних сонных улыбках и озорных глазах, и долгие годы так и было. Долгие годы я был наполненным сосудом, который выплёскивал во внешний мир только лучшее, настоящее, осмысленное.

А потом... все закончилось.

Не хочу думать, что стало причиной. Не сейчас. Слишком много мыслей, от которых взрывается голова и зашкаливает пульс. Возможно, виной тому количество выпитого вчера. Черт, я даже не помню, как добрался до дома. Мне стоит поблагодарить своего вечного ангела-хранителя – Стейси Риз за то, что в очередной раз не бросила меня. Остается непонятным только момент с одеждой. Точнее ее полным отсутствием. На кухне и в спальне, в душе – я везде посмотрел и нигде не нашел. Надеюсь... Очень сильно надеюсь, что я оставил свои брюки и рубашку не в клубе. Кстати, ботинки и телефон на месте.

Вытираюсь полотенцем, бросаю его на кровать и открываю свой гардероб, чтобы выбрать костюм для другого меня, не того, который проснулся двадцать минут назад. Этот

обновлённый Алекс Джордан в стильном и дорогом костюме, купленном в одном из бутиков ниже по улице, немного небритый, но все равно вполне презентабельный, несмотря на легкую помятость физиономии, через несколько минут сольется с толпой спешащих по своим делам людей, став еще одним лицом в Нью-Йоркском муравейнике. Брызнув за воротник парфюмом, я покидаю свой одинокий дом с тремя спальнями и гостиной. Я давно подумываю о том, чтобы продать его и купить что-нибудь поменьше. К тому же финансовые дела у меня идут не самым лучшим образом в последнее время.

Творческий кризис сказывается и на профессиональной деятельности.

Вы, наверное, сильно удивитесь, когда я скажу, что работаю в Колумбийском университете преподавателем философии. Но еще больше придете в недоумение, узнав, что я тот самый писатель, по мотивам скандальной книги которого пять лет назад на экраны всего мира вышел нашумевший эротический триллер, собравший миллионы долларов в прокате и сделав меня весьма популярным в определённых кругах.

Нет, я не хвастаюсь. И в мыслях не было.

С тех пор многое изменилось. И за три последних года я не написал ни строчки, точнее, ни одной достойной строчки, которая впечатлила бы издателей. Мой агент Стейси Риз каждый день пугает меня тем, что скоро ни одно приличное

издательство не захочет иметь со мной дела, и даже старые заслуги не помогут мне вернуться на литературный олимп.

Словно слава и успех когда-либо имели для меня значение. Они не помешают в том случае, если ты доволен собой и знаешь, куда идешь. И веришь в то, что ты делаешь. В обратном случае слава, успех и ожидания людей только мешают, становясь пудовыми гирями, которые толстыми цепями прибивают ноги к земле, не давая взлететь.

И сейчас я ощущаю давление. Постоянное давление со всех сторон. У меня есть договоры с издательствами, которые я не соблюдаю, нарушая все сроки. У меня есть агент, с которой я состою в длительной интрижке. И у меня есть работа, которая меня раздражает больше, чем звонки Стейси с вопросами, вроде: *Сколько глав ты сегодня написал? Ты снова напился? Черт, Алекс, я прочитала то, что мне выслал.... Что ты курил, парень? Не формат. Подумай еще. Издательство не возьмет роман о немой нимфоманке с мазохистскими наклонностями, ищущей себе жестокого доминирующего садиста. Это трэш, Алекс. И ты сам знаешь.*

Да, мать твою, я знаю. Но что делать, если внутри кроме жесткой порнографии ничего не рождается? И я совсем не извращенец. Это проявление моей внутренней ярости на мир, который я вижу вокруг себя. Я лишь отражаю, проецирую его в строки. Я не виноват в том, что вижу свои истории такими. Но разве это не то, чего от меня так ждали? Разве скандальный фильм, прошедший по миру с триумфом, не

имел в своей основе тот же смысл, что и в истории с немой мазохисткой?

– Алекс, сотый раз говорю, даже жестокость должна быть красивой, оправданной, поданной в приличной упаковке. А то, что ты пишешь, тянет как минимум на обвинение в порнографии. Ты знаешь сам все инструменты, которые должен использовать. Какого черта ты упрямишься?

Стискиваю зубы, пытаюсь прогнать из головы отчитывающий голос Стейси. Иногда она бывает хуже зубной боли и того незабываемого психолога с очками-лупами, на сеансы к которому мы недолго ходили с Анной. Подняв руку, бросаю быстрый взгляд на циферблат часов. Я опоздал на собрание ректора, и смысла торопиться нет, но смешанная разнопёрая толпа белых воротничков, бизнесменов, бродяг и бездельников не дает никакого шанса замедлить темп, увлекая за собой.

Вырываясь из одного течения, я вливаюсь в другое, не такое многолюдное. Впереди перекресток, я замечаю зеленый сигнал светофора и ненадолго отвлекаюсь на небольшую суматоху впереди. Загорается красный свет, заставляя меня резко остановиться и сделать шаг назад на безопасный тротуар. Народ быстро рассеивается, освобождая дорожное полотно для движения автомобилей. И только одна девушка, которая и стала причиной суматохи, привлёкшей мое внимание, остаётся на белой разметке на другой стороне дороги. Кажется, ее толкнули, и она уронила телефон, разлив

при этом кофе. Обычная история. Видимо, дерьмовое утро выдалось не только у меня. Но в данный момент мой сарказм неуместен, потому, как неуклюжая крошка не спешит убраться с перекрёстка и наклоняется, чтобы поднять свой телефон. Автомобили уже начинают движение. Справа прямо на нее несется такси. *Вот черт.*

Я действую исключительно инстинктивно. Бросаюсь вперед, преодолевая переход за считанные секунды, и толкаю девушку на тротуар, падая сверху, успевая подложить ладонь под ее голову, чтобы она не разбила затылок об асфальт, другой рукой опираюсь о землю, удерживая свой вес, чтобы не раздавить девчонку.

Черт, это точно может быть сценой для бульварного романа. Возможно, именно такой и ждуют от меня издатели. Спасатель Джордан. Герой, мать вашу.

Опускаю взгляд на лицо спасенной девушки, встречаясь с глубокими почти черными огромными перепуганными глазами. Она довольно симпатичная и совсем юная, и смотрит на меня с таким потрясённым выражением, что я немного теряюсь в темно-вишневом взгляде. А когда девушка прижимается лицом к воротнику моего пальто, и втягивает аромат моего парфюма, я впадаю в легкий ступор. Я не каждый день спасаю смазливых девиц, которые балдеют от запаха Dior Fahrenheit, которым я пользуюсь уже много лет. Странное ощущение, но приятное. Сбросив наваждение, я встаю на ноги и помогаю подняться девушке, которая про-

должает пялиться на меня, как на героя в сверкающих доспехах. Черт, надеюсь, что она меня не узнала. Ненавижу вопросы вроде: «А вы тот самый Алекс Джордан? Я ваш давний фанат. А что вы сейчас пишете? А вы знаете, я тоже немного пишу, не могли бы вы посмотреть... и т. д. и т. п.»

– О, нет! – жалобно всхлипывает девушка, глядя, как по ее телефону один за другим проезжают автомобили, превращая его в горстку раздавленного хлама.

– Думаю, он не ценнее, чем твоя жизнь, – улыбаясь, произношу я, разглядывая правильные черты лица спасённой и темные длинные волосы, спутавшиеся во время падения. – Это не самая худшая картина, которую мы могли бы сейчас наблюдать, – добавляю я, замечая пятна от пролитого кофе на ее руках и одежде. Мой взгляд непроизвольно скользит вниз, оценивая миниатюрную фигурку. О чем ты думаешь, Джордан? Она совсем ребёнок, а ты гребаный педофил.

– А я так хотела кофе, – малышка очаровательно кусает полные губки, поглядывая на меня своими бездонными глазами из-под черных длинных ресниц. Какое-то время мы молчим. Меня не то чтобы смущает ее замороженный взгляд, прикованный к моему лицу. Скорее, забавляет. Мое чутье подсказывает, что девушка не в курсе, кто я, и ее интерес вызван не былой славой Алекса Джордана.

– Спасибо... тебе, – она первой нарушает молчание, робко улыбаясь. Я держу ее за руку, находясь в состоянии легкой эйфории от совершенного подвига. Опускаю взгляд на ее ла-

дочь, ища там повреждения. Но вроде все в полном порядке. Девушка не пострадала. – Кажется, ты спас мне жизнь. А вот мой телефон и кофе погибли...

– Алекс Джордан, – представляюсь я и немного хмурю брови, замечая удивление, а потом и восторг в распахнутых глазах.

– Меня зовут Руслана, – она переходит на мой родной язык и совершенно искренне, немного наивно улыбается. – Руслана Мейсон. Или Ру...

– Или Лана? – прерываю ее я, не веря в такое совпадение. Мне кажется, я вечность не слышал русской речи. Нет, с Анной и детьми мы общаемся на русском, но это немного не то. Среди студентов и коллег очень мало выходцев из России. – Кажется, нам есть, о чем поговорить, землячка. Новый телефон пока не обещаю, но, может, кофе? – спонтанно предлагаю я, руководствуясь внезапным порывом. А почему бы и нет, раз уж я все равно везде опоздал. Иногда приятно побыть немного героем в глазах юной черноглазой красавицы, а не депрессивным неудачником, которым я чувствую себя последние несколько лет.

Руслана

– Боже, меня исключат, если я провалю и этот экзамен! – хнычу я, сильнее сжимая телефон в ладони. Нести два стаканчика кофе в дрожащей руке и разговаривать по телефо-

ну одновременно – не самая лучшая идея, особенно, когда ты спешишь на пару и пробираешься через самое сердце каменных джунглей Манхэттена. Если вы думаете, что Нью-Йорк так же прекрасен, как показывают вам его в фильмах, спешу разочаровать – только не утром. Неимоверных размеров толпа одинаковых клерков, шумных студентов, утонченных бизнес-леди и даже стаи вонючих бродяг – вот что не дает мне окончательно и бесповоротно полюбить этот город. Обычно до учебы я добираюсь с парочкой новых синяков. Однажды мне даже прилетело в голову от туриста, что кричал от восторга и размахивал палкой для селфи. И это я вам еще истории из метро не рассказывала... конечно, Нью-Йорк прекрасен, но чувство отчаяния и одиночества не покидает меня даже среди целой толпы таких живых, интересных и амбициозных людей. Мы все – стадо, а я овечка – которая вечно пытается свернуть в другую сторону.

Сломать систему и стереотипы, и правила, которые с детства внушил мне отец, воспитывая в тотальной строгости.

Я, как и многие, пошла учиться туда, куда отправили родители (а точнее отец и моя мачеха). Они и слышать ничего не хотели о Йеле и даже о факультете искусств в Колумбийском. По их мнению, я должна получить «востребованное» образование. Все мои творческие порывы они всегда срубали на корню.

– Ру, ты сама прогуливала философию и кучу других пар

весь семестр, – снисходительный голос подруги заставляет меня напрячься еще больше. Кейт могла бы и поддержать меня, но на самом деле подруга права – когда ты учишься в Колумбийском университете, у тебя нет права на ошибку. Мне светит парочка пересдач, но если я провалю и их, то никакие деньги мне не помогут. А именно зарабатывая деньги, я пропускаю пары. Долбанный замкнутый круг.

Конечно, я могла бы отказаться от своей маленькой «тайны», и вместо того, чтобы по ночам строчить очередную главу к новой безумной истории, заняться учебой...но я не могу. Руки сами открывают злополучные файлы, пальцы летают по клавиатуре, а потом я выхожу из транса с горьким осознанием того, что уже утро, и я просто не в состоянии отправиться на учебу.

– Но я была уверена в том, что мистер Адамсон дотянет меня до проходного балла. Ну, сама понимаешь...он молодой преподаватель и явно неравнодушен ко мне. Это большая редкость. С семидесятилетними профессорами по статистике такое не прокатит. А он...он мне в рот заглядывал, – едва сдерживая смех, вспоминаю Адамсона. У юного философа есть слабость – легкий флирт со студентками, и я не видела ничего плохого в том, что была с ним куда более мила и приветлива, чем это необходимо. На самом деле это стандартное для меня поведение – улыбаться, общаться, строить парням глазки...но вряд ли сейчас я смогу подпустить кого-то близко. Со своим последним парнем я встречалась год.

Все это время он мне изменял. Такая стандартная и глупая история, которая могла бы случиться с каждой... и именно со мной. Не скажу, что любила Колина – нет, скорее встречалась с ним ради того, чтобы не оставаться одной, но факт его измены нехило ударил по моей самооценке. Стоило догадаться о том, кто такой Колин сразу – спортсмен, сын богатых родителей, избалованный женским вниманием. Он глуповат, но секс с ним был неплох. Да только сейчас, когда я знаю, что он спал с другими девушками, мне постоянно хочется пойти помыться, несмотря на то, что мы расстались три месяца назад.

– Ну, теперь ты знаешь, что Адамсон не будет принимать экзамен. Он в больнице. Кто будет принимать его, я не знаю. Скорее всего пришлют преподавателя с факультета искусств, и я бы на твоём месте не рассчитывала на «красивые глазки». Как там мой кофе? – непроизвольно сжимаю губы, напрягаясь всем телом, слыша в голосе подруги укоризненные нотки. На перекрестке загорается зелёный сигнал светофора, и толпа начинает буквально нести меня вперед. Проклятый капучино вот-вот выпадет из моих рук, но сейчас я бы с удовольствием вылила его на голову Кейт.

– Несу. И ты могла бы и поддержать меня... – сердце пропускает удар, когда очередной клерк из толпы случайно толкает меня в бок, да так сильно, что мгновенно темнеет в глазах. Телефон выскальзывает из моих рук, пока я инстинктивно пытаюсь удержать кофе. Новый, дорогой. Я копила на

него три месяца. Ругаясь на толпу одичало несущихся куда-то людей и осуждая себя за неуклюжесть, я наклоняюсь за телефоном, и на этот раз никто не пихает меня, на дороге уже подозрительно пусто. Осознание этого факта не сразу приходит мне в голову. Становится слишком поздно, когда я уже слышу тревожный оглушительный сигнал автомобиля где-то справа от себя. Звук настолько раздражающий и громкий, что я пугаюсь еще сильнее, отчаянно цепляясь за телефон дрожащими руками, не в силах поднять его. Боковым зрением замечаю, как на меня стремительно несется такси, и этот звук скрипящих тормозов разрезает воздух, от которых даже кровь стынет в жилах...

Все происходит слишком быстро, я не успеваю даже подумать... шум города и собственной крови пульсирует в висках, необъяснимый страх натягивает каждый нерв до предела. Ужас буквально парализует мое тело, и я не то, что пошевелиться не могу, даже вдохнуть. Проходит еще одна секунда, и, прежде чем я успеваю закричать, кто-то мощный и сильный сбивает меня с ног, выталкивая на тротуар и накрывая своим телом.

Черт.

Мои глаза плотно закрыты, а ладони вспотели так, словно сейчас не середина ноября. Я даже открывать веки боюсь, настолько сильно меня трясет от страха, что щемит сердце. Судя по боли в спине, я ушибла спину, но не голову: кажется, мой спаситель предусмотрительно обхватил мой затылок,

прижимая к себе. Я чувствую его крупную, одинаково сильную и нежную ладонь, сжавшую мои волосы в кулак, но совершенно не злюсь на него за это. Боюсь, он рисковал сломать руку, спасая меня.

Я вдыхаю его запах прежде, чем открыть глаза. Так не бывает. Но я с первого вдоха узнаю свой любимый мужской парфюм. Dior Fahrenheit. Это аромат, которым дышать хочется, и я каждый раз нахожусь в эйфории, когда нюхаю его в парфюмерном магазине. Глубоко вдыхаю знакомые нотки кожи, цитруса, мускатного ореха и мускуса, ощущая, как благородный, дорогой и мужской запах наполняет легкие. Боже, надеюсь мой спаситель не в обиде на то, что я уже пять секунд как прижимаюсь к воротнику его пальто, дрожа то ли от страха, то ли от удовольствия, которое дарит мне только лишь этот аромат.

Резко распахиваю веки, ощущая вес его тела на себе, и, наконец, встречаюсь взглядом со своим спасителем. Карие, с зеленоватым отливом глаза неотрывно смотрят в мои, и меня не покидает чувство, словно этот человек видит меня насквозь и определенно читает мысли... хотя не нужно быть гением, чтобы догадаться, что я думаю о его чертовом парфюме, вдыхая его как дозу успокоительного.

Нет. Ущипните меня. Так точно не бывает. О да...

Почему он все еще лежит на мне? Еще пару секунд я внимательно изучаю черты лица своего спасителя – густые, слегка нахмуренные брови, точеные черты лица и кажущиеся

мягкими и полными для мужчины приоткрытые губы. Нижняя чуть полнее...

Промолчу, о чем я сейчас подумала. Со мной вообще такое впервые, что я вижу мужчину всего одну минуту и уже задаюсь вопросом, какие на вкус у него губы. *Как он улыбается?* Я хочу знать о своем спасителе все, и он, наконец, поднимается и помогает мне встать, продолжая поглощать меня изучающим взглядом, стараясь казаться сдержанным и равнодушным. Он не особо эмоционален, раз до сих пор не начал разговор.

Черт, моя рука мокрая от кофе, а мой телефон... превращен в жалкую кучку осколков, по которым без конца теперь ездят десятки машин. Я копила на него три месяца, и это был первый нормальный телефон в моей жизни.

– О нет! – хнычу я, опуская плечи.

– Он не ценнее, чем твоя жизнь, – чувственно улыбаясь, произносит мой спаситель. – Думаю, это не самая худшая картина, которую мы могли бы сейчас наблюдать, – я согласно киваю, но мне все равно обидно – я могла бы быть внимательнее. Я даже глоток кофе сделать не успела.

– А я так хотела кофе, – кусая губы, улыбаюсь я, все еще периодически утопая в его глазах. Теперь я понимаю, что меня так привлекло в нем. Он старше, намного старше. Мужчина в безупречном костюме, спасающий меня от смерти, пользующийся божественным парфюмом. Невероятно. Уверена, мы разойдемся в разные стороны и никогда больше

не вспомним об этой встрече...и все-таки приятно знать, что где-то такие как он существуют. Мне порядком надоели спортсмены, с которыми я встречалась. Все они думали только о себе, и даже Колин, отношения с которым я считала серьезными, оказался обыкновенным лжецом.

– Спасибо...тебе, – наконец, снова нарушаю молчание я. Мужчина и сам до сих пор в шоке, и только сейчас я замечаю, что все это время он держит меня за руку, внимательно осматривая на предмет синяков и ссадин. – Кажется, ты спас мне жизнь. А вот мой телефон и кофе погибли...

– Алекс Джордан, – он сжимает мою ладонь, и только сейчас я различаю в его произношении едва уловимый русский акцент. *О Боже, так точно не бывает.*

– Меня зовут Руслана, – перехожу на русский язык, расплываясь в широкой, но надеюсь не сильно глупой улыбке. – Руслана Мейсон. Или Ру...

– Или Лана? – он удивленно вскидывает брови, отвечая мне на нашем родном языке. – Кажется, нам есть, о чем поговорить, землячка. Новый телефон пока не обещаю, но может кофе? – он кивает в сторону ближайшей кофейни, расположенной в десяти метрах от нас. О да, Манхэттен так удачно усыпан кофейнями, а Бог, кажется, услышал мои просьбы. Я давно мечтала о подобной встрече, и не потому, что я нуждаюсь в мужском внимании, и мне его не хватает. Данная ситуация интересна мне с профессиональной точки зрения. Всегда было интересно, существует ли подобное в жизни

ни? Случайное «столкновение» на улице, пересечение взглядов... вот и проверим. Надеюсь, он не какой-нибудь извращенец, потому что пока Алекс кажется подозрительно идеальным.

Нет, я до сих пор в это не верю. Может быть, я валяюсь на дороге без сознания, и этот бесподобный мужчина – результат сотрясения мозга? В чем подвох? Совсем скоро я узнаю об этом.

– Да, пожалуй, мне нужно снять этот стресс, – тяжело вздыхаю я, бросая на него короткие взгляды из-под полуопущенных ресниц. Алекс Джордан... имя кажется мне очень знакомым, но думаю это потому, что и имя и фамилия очень распространены.

Да, именно поэтому...

* * *

– Ничто так не снимает стресс, как хорошая книга, – мы уже пятнадцать минут сидим в небольшой, уютной кофейне с панорамными окнами. Вот таким я люблю Нью-Йорк. Каждое кафе, магазин и даже уличный киоск наряжают к Рождеству и Новому году. И выглядит это волшебно – светодиодные звезды и снежинки на потолке, красные носки Санты, омела и фигурки причудливых оленей украшают маленькие новогодние елки, расставленные по всему периметру «Coffee and books». И еще здесь по всюду книги – их запахом и аро-

матом пряного кофе с корицей и карамелью пропитан воздухом.

Пока Алекс заказывал нам кофе, я не могла отвести взгляда от его широких плеч. Я, правда, старалась не смотреть ниже, но не скажу, что не оценила его фигуру и не попыталась прикинуть, как он выглядит без своего костюма. Несколько раз я порывалась встать и уйти. Я привыкла доверять своей интуиции, и сейчас она буквально кричала мне о том, что мне стоит бежать и быть осторожнее.

Но почему? Что с ним не так?

Не каждый день Вселенная посылает мне такие «подарки» и «знаки» – а как еще мне расценивать тот факт, что он эмигрант из России и пользуется моим любимым парфюмом? Это все бред... как только я собираюсь встать, Алекс возвращается к столу, и через пять минут нам приносят кофе – он пьет эспрессо, а я собираю густую пенку с миндальной крошкой со своего Рафа. Испытываю смущение, пока он рассказывает мне о том, что переехал в Нью-Йорк пять лет назад. Мне понадобилось несколько минут, чтобы дар речи окончательно вернулся ко мне после пережитого и заговорить.

– Любишь читать? – он насмешливо приподнимает бровь, когда замечает, с каким интересом я разглядываю книги на полках. В зелено-карих глазах мгновенно вспыхивает непонятный мне почти одержимый интерес, который не на шутку меня пугает. Но всего лишь на мгновение. Остальное вре-

мя я пропадаю в омуте его взгляда, не переставая чувствовать себя экспериментальной белой мышкой в запущенном им колесе, за которой он пристально наблюдает. Не знаю, как это объяснить, но меня не покидает чувство, что Алекс воспринимает меня не просто как куклу или красивую девушку, а читает душу с лица и движений губ, заглядывает в мои мысли... сглатываю, стараясь расслабиться, чтобы унять мурашки по коже.

Хватит. Ты не в долбанном романе, Лана. Не забывай – это реальность, и тебе не стоит приписывать ему качеств, которых он пока не проявил.

– И что последнее ты прочитала? – интересуется он, пока я автоматически беру с полки первую попавшуюся книгу. Мне просто необходимо что-то держать в руках, поглаживать твердый переплет... это очень успокаивает, особенно когда находишься на внезапном «свидании», от которого дух захватывает.

– Мм... – не уверена, что он одобрит то, что мне нравится. Хотя с какой стати я хочу ему нравиться? Я такая, какая есть.

Мир не рухнет, если мы больше никогда не увидимся.

– Дай угадаю: роман про оборотней. Или про добрых вампиров, которые влюбляются в невинных девушек, – иронично замечает он, глядя на меня, как на... да, на маленькую девочку. Так и есть. Мне двадцать, но многие дают не больше семнадцати, даже когда я накрашена. Я – ребенок для него. Что ж, тогда я раскрою карты. У меня никогда не будет вто-

рого шанса произвести первое впечатление.

– О да. Мне не стыдно в этом признаться: я читаю романы, – смело выдаю я. – Некоторые из них грязные, эротические, но вот вампиров и оборотней совсем не люблю. Я и сама увлекаюсь написанием историй... – чуть тише добавляю я, кидая на него робкий взгляд. Мне кажется, я вижу искры в его глазах и надеюсь, это реально интерес, а не моя привычка разглядывать выражения взглядов своих собеседников и придавать им значение. – Но последнее, что я прочитала это – Дэниел Киз. «Цветы для Элджернона» и «Множественные умы Билли Миллигана».

– Так-так. Ты пишешь? – отпивая эспрессо и прищурился веки, спрашивает он. Приятный, низкий мужской голос с бархатными нотками запускает почти забытые процессы в моем организме... я едва сдерживаю свое шумное дыхание и ощущаю приятное покалывание внизу живота. Это просто странно. Ужасно. Не помню, когда в последний раз звук голоса пробуждал во мне такой широкий спектр чувств и эмоций. – И что ты пишешь?

Узнаю этот снисходительный взгляд. Я редко говорю кому-то, что пишу, и пишу с самого детства, потому что натываюсь на скептические комментарии и фразы в духе «ты занимаешься ерундой». А уж родители и вовсе считают, что я ничем не занимаюсь и трачу время зря, стуча целые ночи по клавишам. Год назад я, наконец, перешла от коротких рассказов к настоящему делу: начала писать роман и выкла-

дывать его в сети. Увы, ничего кроме критики и нелестных отзывов я на него пока не получила. Но я благодарна тому скромному числу читателей, которые высказались о романе довольно положительно.

– Да. Пишу... для себя. Пыталась вдохновиться романами Дэниела Киза. Я пишу историю... – мне становится неловко, щеки обжигает огнем изнутри, но я продолжаю: – Это эротический, психологический триллер, – еще больше краснею, произнося слово «эротический». – Про парня с раздвоением личности и тяжелым детством, если быть краткой. Он влюбляется в девушку, а его вторая личность хочет ее разрушить. Ну а дальше полный трэш... отношения хищника и его жертвы во всей красе, – немного путано произношу я, прекрасно представляя, как выгляжу со стороны, когда рассказываю узкому кругу избранных о своих историях. – Только я получаю совсем мало хороших отзывов. Но те, что положительные – греют душу и придают мне сил писать дальше, – с придыханием заканчиваю я.

Алекс замирает, вновь внимательно изучая черты моего лица. Теперь он смотрит на меня так, будто не верит, что я реальное существо, а не голограмма, которая внезапно свалилась на его голову и несет всякий бред. Я невольно скольжу взглядом по двухдневной щетине, задавая самой себе глупые вопросы: бреется ли он каждый день? И почему забыл сегодня и вчера? Целует ли чьи-то губы, потираясь колючим подбородком о *ее* щеки?

Боже, это безумие какое-то. Наваждение. Нужно очнуться.

– Ого. Я ожидал чего угодно от такой милой девушки. Например, наивных романов, фэнтези с драконами, но никак не психологический триллер про отношения с насилием, – его раскатистый, мягкий смех заставляет меня улыбнуться. Кажется, я не улыбалась столько всю прошедшую неделю, как сегодня.

– Наверное, по мне не скажешь, Алекс. Но писать что-то другое мне скучно. Иногда я пишу и слышу свое тяжелое дыхание в полной тишине, ощущаю, как зашкаливает пульс, как горячет кровь под кожей. Это моя зависимость, тайна, которой почему-то захотелось с тобой поделиться. Другие, спокойные и романтические истории перестали меня цеплять... а потом – маленькое озарение, всего лишь одна сцена пришла в голову. И вот... медленно, но верно готова уже половина дилогии.

– Начинаящая писательница Лана Мейсон. Дашь автограф, когда прославишься? – не знаю, что означает его хитрая улыбка, но она меня напрягает. Немного. Он подшучивает надо мной? Понять почти невозможно, но Алекс явно что-то скрывает.

– Брось издеваться. Я только пытаюсь писать, – скромничаю я, смолчав о том, что ДА, я мечтаю, написать... что-то стоящее. Что-то, что зацепит сотни людей. Тысячи, миллионы... кто-то смог, и чем я хуже? Нужно только трудиться и

никогда не опускать руки. Но иногда опускаются... уже опустились. Учеба и работа, постоянный недосып, отсутствие эмоциональной зарядки. В моей жизни нет места романам, и, возможно, пора – это признать.

– У меня есть знакомая в издательстве. Может, позволишь мне оценить твое творчество? – странно, но интерес в его глазах выглядит искренним, жадным, словно ему действительно интересно. Обычно новые знакомые не проявляют интерес к моему творчеству. У всех у нас есть маленькая «тайна», хобби, отдушина, и я не уверена, что хочу обнажать свою душу перед Алексом. И именно по этим причинам я не даю читать свои творческие эксперименты друзьям и даже просто знакомым. Так странно...но «раздеться» перед толпой анонимных пользователей в сети куда проще, чем дать почитать крошечный кусочек одному из круга близких или родных. Меня терзают противоречивые чувства. С одной стороны, я могла бы назвать Алексу свой псевдоним, но...боюсь, после того, как он прочитает хотя бы первую главу моего романа, он поймет, что мы просто разные.

Я не всегда «милая девушка», какой меня видят все. В каждом из нас живут демоны, но мои слишком часто выходят на свободу. И благо, пока оживают только на страницах романа... почти.

– Да, обязательно дам, – уклончиво шепечу я, глядя ему прямо в глаза, не моргая. Даже не знаю, кто из нас кого гипнотизирует и очаровывает. Я даже кофе пить забываю, про-

сто наслаждаясь кричащей тишиной между нами и накалившимся воздухом. Интересно, он чувствует то же самое, или я себе накручиваю?

– А чем занимаешься ты? – резко перевожу тему я, замечая, как Алекс медленно переводит взгляд на мою шею и открытое плечо.

– Обучением, – уклончиво бросает он. – И у меня свой бизнес.

– Это здорово, – искренне восхищаюсь я. Такой ответ был вполне ожидаем, судя по его внешнему виду. Он богат, но не кичится этим.

– Где ты жила в России?

– Я из Эстонии на самом деле. Но в школе мы учили русский язык, и моя мама русская. У меня три родных языка. Когда мне было десять, папе предложили хорошую работу в Нью-Йорке, а чуть позже он создал свою компанию. А ты как здесь оказался?

– Тоже из-за работы. Сегодня я проспал. Но на самом деле я рад этому, Лана... – замечаю, как его рука двигается вперед по столу, будто случайно. Ох. Малейшее движение, а я уже с ума схожу от трепета, сковывающего грудь. И эти его губы. И глаза. Это вообще законно? Быть таким. Уйди, исчезни. Нельзя же так со мной... ты все равно ненастоящий, Алекс Джордан. Или у тебя есть какие-то грязные тайны, и судя по хитрому прищурю, ты тщательно их скрываешь.

– Да уж. Иначе бы я сейчас не сидела здесь. Наверное,

ты один из супергероев, про которых вечно снимает кино Марвел, – моя ладонь непроизвольно движется ему навстречу. Я так хочу ощутить его руку, что просто сил нет. Всего пара сантиметров разделяет наши с Алексом пальцы.

– Ты та еще выдумщица, – он бросает на меня резкий, прямой и обжигающий взгляд, накрывая горячей ладонью мою руку. Все тело простреливает мощнейшая волна тепла и удовольствия, совершенно нового, незнакомого мне желания... Господи, со мной такое впервые. Может, меня заводит мысль о том, что он старше? Костюм с иголки в купе с загадочным взглядом и искрами «ума» в глазах. Его рубашка расстегнута на одну пуговицу, и мой взгляд упирается в треугольник его обнаженных ключиц. *Черт, если бы он был моим мужчиной, я бы прижалась к нему прямо сейчас. Уткнулась бы в основание шеи губами и вдохнула его запах глубоко в легкие. Так хочется... ведь я почти уверена, что он сейчас думает о том же, что и я. Кто ты, Алекс Джордан?*

– Лана, как насчет... – его прерывает звонок телефона. Как в дурацком фильме... я напрягаюсь, одергивая руку. Он едва заметно улыбается, когда смотрит на экран сотового, и я автоматически пытаюсь найти на его пальце кольцо. Черт, я совсем забыла. Почему я не сделала это сразу? Кольца нет. Но вдруг он специально его не носит? Живет в гражданском браке? Я не собираюсь строить свое счастье на чужом несчастье, даже если это мужчина из моих снов. *Помечтала и хватит.*

– Прости, Лана. Мне нужно отойти. Это по работе, – немного отстраненным голосом заявляет Алекс, и я, улыбаясь, киваю:

– Конечно. Буду ждать, – едко замечаю я, не провожая его взглядом. Бросаю лишь короткий взгляд... и вижу, как приподнимаются уголки его губ во время телефонного разговора. Точно. Вот подонок... а я уже раскатала губу. Все. Хватит. Уйду на хрен, пока это не закончилось катастрофой. Пошел к черту, Алекс. За руку он меня тут держит, в кафе зовет. А сам безнадежно женат.

Смело встаю и направляюсь к выходу, лишь на мгновение чувствуя, как болезненный спазм сдавливает грудь.

Не дай мне уйти, Алекс... – хочется кричать, но я выхожу и не оглядываюсь, оставляя его. Вероятность того, что мы встретимся снова, стремится к нулю. Телефонами мы не обменялись и ничего друг о друге не знаем. Я вычеркну это утро из своей памяти и буду жить дальше.

Но он хорош. Так хорош... как и все подонки.

Прощай, Алекс Джордан.

Я и так слишком сильно открылась первому встречному. В девушке должна быть загадка, и не то, чтобы я придерживаюсь каких-то правил, но я, правда, не хочу ничего с человеком, у которого уже есть жена или девушка. Это что-то вроде табу, ведь я знаю, насколько неприятна бывает измена. А для других и вовсе болезненна и смертельна. И я никогда не смогу быть «второй в списке».

Сама не замечаю, как дохожу до общежития Колумбийского Университета. Дорогу мне преграждает мой бывший, но я даже не достаиваю его взглядом. Что за логика? Сначала изменять мне год, а потом бегать, умоляя простить его? Придурок.

– Привет, детка, – начинает Колин, но я резко обрываю его:

– Колин, сколько раз тебе повторять, чтобы ты больше не называл меня так, – через чур зло проговариваю я и возвожу глаза к небу, закрывая перед ним дверь в женское общежитие.

Странное утро...незабываемый мужчина, и всего полчасика, которые, казалось бы, сделали меня счастливой, и я почувствовала прилив вдохновения. И такое разочарование...

Забить, вычеркнуть.

Я уже забыла...и глаза его, и губы, и то, что не только на мою грудь пялился. Ему, правда, было интересно меня слушать.

По крайней мере, я жива, и, кажется, мне нужно копить деньги на новый телефон.

Глава 2

Алекс

– Стейси, ты не совсем вовремя. Но говори, что у тебя? – спрашиваю я, отходя в сторону, чтобы не утомлять и не шокировать новую знакомую личными разговорами, потому как считаю, что Стейси Риз есть что мне рассказать о вчерашнем. Сбрасывать звонок не имеет смысла. Она будет названивать, пока не добьется ответа, или завалит сообщениями.

– Ничего себе заявочка, – возмущается она в трубку. – Вообще-то, я ожидала, что ты сам позвонишь с утра. Дай угадаю, ты проспал и валяешься в кровати?

– Нет. Я в кофейне с очаровательной девушкой, которую только что спас от смерти.

На там конце слышится возмущенное сопение.

– Так, ты опохмеляешься что ли? Опять пьешь? С утра? Или послушал меня и решил начать новый роман?

– Я серьезно, Стейс, – резковато отвечаю я, поворачиваясь спиной к Руслане, заметив на себе ее вопросительный изучающий взгляд. – У тебя что-то срочное?

– Алекс, ты вообще-то неблагодарная свинья. Знаешь об

этом?

– Ты мне расскажи. Ты же за этим звонишь, – с сарказмом бросаю я.

– То есть ты помнишь, как вчера в клубе я вытащила тебя абсолютно голого из приват комнаты и, прикрывая пальто, отвезла на такси домой?

Черт... Я так и знал, что не просто так не смог найти одежду. Но хотелось верить, что Риз забрала ее, чтобы отнести в химчистку. Такое раньше случалось, если перебрав, меня ... Неважно.

– Что я делал в приват комнате? – хмурюсь я, безуспешно напрягая память.

– Спал, – отвечает Стейси.

– Спал!?

– Да. На красном диване голый, как младенец. Понятия не имею, кто и куда забрал твои штаны, и что там вообще происходило, пока меня не позвали секюрити клуба, предложив убрать моего приятеля, если я не хочу, чтобы они выкинули тебя голого на улицу.

– Прости, детка, – со стоном выдыхаю я. – Чистый лист. Вообще ничего не помню.

– Ты можешь хотя бы иногда быть серьёзным? Ты преподаватель Колумбийского университета, писатель, мать твою. Если тебе насрать на твою репутацию, то мне нет.

– Стоп. Мы пили вместе, – вместе напоминаю я, пытаюсь защищаться.

– Но разными тарами, Алекс. Я предупреждаю в последний раз. Или ты берешься за ум, или я от тебя уйду.

– Черт, нет. Я погибну без тебя. Ты не можешь меня бросить... – жалобным голосом тяну я. – Стейси, я завяжу.

– Я сто раз это слышала. Утром мне звонил Стив Клейтон, режиссер. Он спрашивал, не хочешь ли ты подумать над продолжением «Last Victim».

– А какое там может быть продолжение? – с нотками раздражения спрашиваю я.

– Не тупи, Алекс, – фыркает Стейси. – Канал Showtime готов снять сериал по мотивам романа.

– Мы уже это проходили, – скептически отвечаю я. – Четыре года назад сняли три серии, и сериал заглох.

– Черт, ты меня слышишь? Это Showtime, малыш, который снял Борджиа, «Декстер» и «Блудливая Калифорния». От тебя требуется только сотрудничество со сценаристами.

– Я оставил эту историю, Стейси, и не хочу к ней возвращаться.

– Никто и не просит. Им нужен костяк сюжета, главные герои, а события они напишут сами.

– Нет, – резко отвечаю я.

– Ты идиот? – практически кричит на меня Риз.

– Стейси, или я пишу сценарий, или сериала не будет.

– Но ты не способен сейчас писать! – безжалостно бросает она мне.

– Откуда тебе знать, мать твою? – свирепею я.

– Ты не можешь вспомнить, где потерял свои брюки, Алекс, и кого трахал вчера. О чем ты способен написать?

Внезапная догадка заставляет меня рассмеяться.

– Ах, ты сучка. Ты специально меня провоцируешь. Знаешь, на что надавить, да?

– Я твой агент уже много лет, Алекс, – произносит Риз, и по интонации я ощущаю, как она улыбается. – Это шанс для тебя. Не просри его, прошу.

– Мне нужно подумать, – почти сдаюсь я.

– Они дали тебе время до Рождества. После праздников мы должны дать ответ. Поговори с Анной. Она плохого не посоветует.

– А причем тут она, Стейси? – чувствую, как угасшее раздражение возвращается снова.

– Мне не нравится то, что с тобой происходит с тех пор, как вы расстались.

– Сейчас не время и не место обсуждать это, Стейс. И несколько лицемерно звучат твои слова с учетом того, что ты спала со мной еще до того, как Анна забрала детей и уехала.

– Таких, как я у тебя были десятки, Алекс. Вряд ли дело во мне. Обещай подумать.

– Созвонимся позже, я должен вернуться к своей спасенной ..., – поворачивая голову, я смотрю за столик, за которым пару минут назад сидела Руслана, но ее там нет. Может, вышла в дамскую комнату?

– Эй, Алекс?

– Извини. Потом поговорим.

Отключаю вызов и убираю телефон в карман, бегло оглядывая помещение кофейни. Возвращаюсь за столик, но не сажусь, понимая, что меня впервые в жизни жестко кинули. Вряд ли она пошла попудрить носик, забрав с собой верхнюю одежду. Мысленно выругавшись, надеваю пальто и выхожу на улицу.

Дерьмовое утро возвращается.

Только встретил интересную забавную девушку, владеющую русским языком и обожающую порно-триллеры. Конечно, она выразилась иначе, но все равно ей удалось меня впечатлить. Диссонанс внешности и содержимого. Смазливое невинное личико, стройная фигурка и ого-го какие черты внутри. Банальная уловка, на которую западают все мужчины без исключения. А я почему должен оставаться в стороне? Слишком молоденькая, но это скорее достоинство, чем недостаток. Абсолютно мой типаж внешности, и вроде неглупая. Читающая, что немаловажно, и самое занимательное – пишущая. Как она там сказала?

«...отношение хищника и его жертвы во всей красе.»

Вообще-то моя любимая тема. В жизни я совершенно не романтик и давно не верю в безумную страсть с первого взгляда. Нет, ей есть место в двадцать, когда зашкаливают гормоны, и хочется трахнуть все, что вызывает приток крови к определённым частям тела. Хмм. В принципе и сейчас периодически находит помрачнение, но это совсем другие эмо-

ции и потребности. Возможно, я заполняю пустоту внутри себя, но выходит хреново. Всегда наступает дерьмовое утро, и осознаю, что стремительно старею, проживая свои дни впустую, тратя себя на таких же пустых одноразовых женщин. Моя жена не была пустой. Но, возможно, я никогда не был достаточно цельным для нее. Мои приятели и Стейси не знают, как долго я пытался вернуть ее обратно.

Иногда женщина уходит, чтобы вразумить мужчину, чтобы разозлить его, заставить действовать, обратить на себя внимания. А иногда она просто уходит.

Потому что ты кретин.

И сегодня, когда я закрыл Руслану собой, мне показалось, что внутри что-то щелкнуло, перемкнуло. Все объяснимо – выброс адреналина, внезапная опасная ситуация, стресс и прочее. Но и позже, когда мы разговаривали в кофейне, это ощущение сохранилось. Я смотрел на нее и понимал, что мне интересно ее слушать. Мне нравится на нее смотреть. Я думаю, мы оба ощутили подобие притяжения. Ее взгляд был более чем заинтересованным и красноречивым. Конечно, очень молода, но если ей больше восемнадцати, то я ничего не нарушаю.

Конечно же не нарушаешь, Алекс. Ведь она свалила от тебя, пока ты трепался со Стейси. Жаль, конечно. Уверен, нам было бы о чем поговорить. В последнее время мне редко удается познакомиться с людьми, которые меня хмм... вдохновляют на вторую встречу. Возможно, дело во мне и моих внут-

ренных тараканах или завышенной планке, по которой я меряю окружающих. Хотя Диксон и Макс, два моих безнадежно женатых приятеля, с которыми я общаюсь с момента переезда в Нью-Йорк, те еще придурки, но я нахожу их общество приемлемым и местами забавным. Может, потому что привык к их пошлым разговорам о полчищах любовниц, которых не существует в природе, или мне просто импонирует, что им нет дела до того, что я вроде как медийная личность. Они вряд ли помнят, как называется мой роман, по которому сняли фильм. И самое смешное, что они его даже не смотрели. И не прочли ни одной моей книги. Не удивлюсь, если Диксон и Макс вообще не умеют читать.

Стейс напомнила мне про Рождество, и только сейчас я заметил, как преобразился Манхеттен. Повсюду праздничные красно-белые украшения, гирлянды, изображения Санты и его оленей, и прочая рождественская атрибутика. Мне кажется, я целую вечность не смотрел по сторонам, двигаясь каждый день в безумном ритме Манхэттена, а по вечерам напиваясь до отключки. Засмотревшись на гуляющего в костюме Санты пьяного аниматора, я получаю толчок в спину, а потом еще один. В бегущей толпе очень сложно на самом деле смотреть по сторонам.

Я переехал в Нью-Йорк пять лет назад сразу после заключения контракта с Warner Bros. И первые два года мне здесь действительно нравилось. Я был ослеплён большим городом, внезапно обрушившейся славой и заоблачными гонорами.

Интервью, передачи с моим участием, пресс конференции, творческие встречи. Меня стали узнавать на улицах. Все хотели пообщаться с известным автором. Мужчины жали руку и предлагали пропустить стаканчик. Женщинам непременно хотелось проверить, так ли сексуален сам автор, как герои его романов. Я так увлекся, играя роль крутого писателя, что забыл о том, ради чего я вообще жил раньше. Когда ты внезапно прыгаешь слишком высоко, то искажается вкус маленьких побед, простых радостей жизни. Все теряет смысл, прелесть и новизну.

Я не разочаровался в людях. Лишило вдохновения меня совсем другое. Я разочаровался в себе. Многие критики считают, что писателю важно то, что они скажут, что их похвала или ругань заставляет нас менять что-то в себе, работать над ошибками или оттачивать достоинства. Это далеко не так, у меня все иначе. Я главный критик всего, что я делаю. И этот критик внутри меня в обнимку с утренним лентяем говорят: *Вынь голову из одного места, Алекс, и начинай что-то в этой жизни менять.*

Мне стоит подумать над предложением, о котором говорила Стейси. Работа над интересным проектом может помочь мне встряхнуться, дать новый толчок к действию. И я смогу свалить наконец-то из Колумбии. Преподавание философии для кучки малолетних идиотов не совсем мое прище для внутреннего развития.

Через сорок минут я захожу в стены надоевшего до чер-

тиков кампуса и стремительно направляюсь к аудитории, где через... хмм, через пять минут начнется экзамен по философии.

– Джордан, ты опять пропустил собрание! – раздается слева от меня раскатистый голос ректора факультета, на котором я преподаю. Выругавшись про себя, я нехотя останавливаюсь и поворачиваюсь с натянутой улыбкой к «жирному Тому». Так мы называем его в коллективе. Во внешности невысокого полного Кевина Райта есть некая схожесть с персонажем мультфильма Диснея «Том и Джерри». Непонятно, как «Жирному Тому» удалось занять пост ректора, имея в наличии только глупейшее выражение лица и завышенную самооценку. Помимо отталкивающей внешности, Райт выделяется еще и гнусным характером. Дорогой пиджак чуть ли не лопается на толстом животе, лоснящееся от жира лицо выражает высшую степень недовольства.

– Попал в пробку, сэр, – бессовестно лгу я.

– В какую пробку, хотелось бы узнать? Ты живешь в пешей доступности от университета, Джордан.

– Я ночевал сегодня не дома, Мистер Райт, – невозмутимо отвечаю я, и, поминая запястье, демонстративно смотрю на часы. – Прошу прощения, но через три минуты у меня экзамен.

– Зайдешь в мой кабинет, когда закончишь, – высокомерно заявляет «Жирный Том».

– Обязательно, – киваю я, проглатывая желание послать

его на весёлые три русских буквы, и быстрым шагом удаляюсь в нужном мне направлении. Если бы не приличный оклад, который мне выплачивает университет, я бы давно сказал Кевину Райту все, что я о нем думаю. Однако финансовые дыры, образовавшиеся за период длительного застоя, необходимо чем-то закрывать. Но однажды я выберусь из кризиса и исполню давнее желание поставить переевшего гамбургеров засранца на место.

Не обращая ни малейшего внимания на притихших с моим появлением студентов, я прохожу к своему столу в центре, сажусь и отрываю ноутбук, не поднимая головы, игнорируя тихий шепоток, пронёсшийся по аудитории. Экзамен должен был принимать Адамсон, мой коллега, но он приболел, и меня поставили на замену. Перспектива не очень. Философия для будущих бизнесменов далеко не самый любимый предмет, и я уже предчувствую девять кругов тупости, которые меня ждут.

«Как началось утро, таким будет день», – уныло думаю я, поднимая голову и обводя взглядом два десятка второкурсников, взирающих на меня с любопытством. Им интересно, что я за зверь и получится ли у них сожрать меня сегодня. Чувствую себя, как клоун на арене цирка в окружении застывших в предвкушении зрителей. Сама аудитория наводит на подобные ассоциации. Поднимающиеся вверх ряды парт с рассевающимися на них в хаотичном порядке студентами, и внизу, в самом центре я за своим столом. Главный артист

кордебалета. Ха.

– Меня зовут Алекс Джордан. Сегодня я буду принимать экзамен вместо мистера Адамсона, – представляюсь я, не поднимаясь с места. – Все подготовили проекты? Может, кто-то сразу хочет признаться, что недостаточно потрудился, и придет в другой раз? – рассеяно скользнув взглядом по лицам собравшихся, с надеждой спрашиваю я.

Желающих высказаться нет, что неудивительно. Абсолютная тишина в ответ.

– Отлично. Все готовы к защите. Начнем, – хмуро говорю я, отрывая список группы на персональном компьютере. – Кто-то хочет выступить первым?

Теперь тишина становится зловещей. И звук открывающейся двери заставляет вздрогнуть даже меня. Поднимая голову, я хочу понять, у кого хватило наглости опоздать на экзамен. Точнее, запомнить в лицо смертника, который останется сегодня без зачета.

– Извините, пожалуйста, за опоздание, – произносит женский тонкий голосок со знакомым акцентом. Мой взгляд застывает на лице опоздавшей студентки, и я у меня, в который раз за сегодня, возникает ощущение нереальности и абсурдности происходящего. В каких-то двадцати метрах от меня мнется с ноги на ногу Руслана Мейсон, девушка, на которой мне посчастливилось с утра полежать. Ее глаза открываются шире, когда она тоже меня узнает. Я слышал, конечно, поговорку, что мир тесен, но не считал, что она относится к Нью-

Йорку, к этому миллионному муравейнику, где можно каждый день ходить в один и тот же клуб и не встретить ни одного знакомого лица. Видимо, Вселенная неверно истолковала мое сожаление о том, что приятная встреча так внезапно оборвалась, не дав мне шанса узнать ни телефон, ни адрес заинтересовавшей меня девушки. Я, конечно, хотел ее увидеть еще раз. Но не здесь. *И не в качестве моей студентки.*

– Заходите, мисс..., – прочистив горло, произношу я, чувствуя себя полным придурком, который попал в неловкую ситуацию.

– Мейсон, сэр, – кивнула она, смущённо опуская ресницы. Мой взгляд невольно задержался на красных губах девушки. Потом прошелся по обтягивающей белой блузке, застегнутой на все пуговицы, но при этом выглядевшей гораздо сексуальнее, чем откровенные кофточки с глубоким вырезом на других студентках. Опустился взглядом на стройные бедра в узкой юбке-карандаш до колена, стройным ножкам в туфлях на высоком каблуке, и только потом заметил папку с проектом, который она судорожно прижимает к груди. На грудь лучше не смотреть, но я совершаю преступление и делаю это. Девушка направляется к первому ряду, стуча каблуками по ламинату, не поднимая на меня глаз.

– Мисс Мейсон, уверен, вы опоздали, потому что всю ночь готовились к защите и не услышали с утра звонка будильника, – произношу я лаконичным наигранно равнодушным тоном. В аудитории слышатся смешки. – И я не могу не оце-

нить подобное усердие. Было бы справедливо начать экзамен с вас, – заканчиваю я. И Руслана поднимает голову, с натянутой улыбкой глядя мне в глаза. Темные глаза хранят непроницаемое выражение.

– Конечно, мистер Джордан, – кивает она. Надеюсь, что ни у кого из ее сокурсников не возник вопрос, откуда мисс Мейсон знает мою фамилию. Когда я представлялся, ее еще тут не было.

Я не отвожу от нее взгляда, пока девушка с грациозной походкой направляется к моему столу. Вот сейчас она похожа на девушку, увлекающуюся эротическими триллерами. Алая помада на соблазнительно изогнутых губах, самоуверенный дерзкий взгляд и образ а-ля сексуальная секретарша. Я мысленно сопоставляю в голове факты. Второй курс, а значит ей не меньше двадцати. Не производит впечатление наивной и невинной простушки. Достаточно взрослая для ... *Черт, о чем ты думаешь, Джордан. Перед тобой студентка. Даже за один небольшой флирт тебя могут выставить отсюда с волчьим билетом.*

Осознав, что опасность миновала и жертва намечена, выжившие студенты начинают расслабленно беседовать друг с другом, не обращая на нас ни малейшего внимания. И это хорошо, иначе наша игра взглядами и искрящееся напряжение многих бы могла позабавить.

– Итак, Руслана Мейсон, – лениво протягиваю я, открывая бланк с ее успеваемостью. Она садится на стул в нескольких

сантиметрах от меня, и мне с трудом удается не смотреть на нее.

– Я смотрю, у вас были проблемы с посещаемостью, – прохладно замечаю я.

– Да, я... – собираясь соврать что-нибудь в свое оправдание, начинает девушка, но я обрываю ее на полуслове.

– И средний бал низковат...

– Я...

– От того, как вы защитите работу, зависит многое, не так ли? – я резко поднимаю голову и смотрю в черные глаза, в которых, кажется, хранится так много тайн, темных фантазий и противоречивых желаний.

– Меня могут исключить, если я не получу высокий балл сегодня, – признает Лана. Но не потому, что честная, а выбора у нее в принципе никакого нет.

– Вы хорошо подготовились, мисс Мейсон? – напрямик спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, задаю следующий вопрос. – Назовите тему проекта.

– Теория детерминизма Лапласа, – без запинки выдает девушка и улыбается, явно довольная собой.

– Замечательно, – с долей скепсиса киваю я. – И в чем по-вашему состоит суть теории детерминизма замечательного философа Лапласа?

– Хмм. Лаплас не был философом.

– Правда?

– Да, – уверенно произносит девушка. – Он был физиком.

– Потрясающе, – иронично восклицаю я.

– Вы смеетесь надо мной? – в голосе Русланы появляются обиженные интонации.

– А выглядит так, что я смеюсь?

– Вообще-то, да, – хмуро сводит брови Руслана.

– Тогда следующий вопрос. Что же обозначает само слово детерминизм? – перевожу я тему из личностной области ближе к обсуждаемому предмету. Мисс Мейсон заметно напрягается, поджимая губы. Ответ на самом деле на поверхности.

– Предположите. Подумайте. Это простой вопрос.

– Я могу рассказать о теории. Лаплас считал, что все события и процессы в мире предопреде...

– Я спрашиваю не о том, что считал Лаплас, а о значении слова, которое указано в теме вашего проекта, – протягивая руку, я забираю у девушки папку и начинаю листать. – Вы пользовались интернет ресурсами? – спрашиваю через пару минут ее упорного молчания.

– Как и все, – нервно пожимает плечами Руслана.

– И они все указаны? – я смотрю в ее вспыхнувшее лицо. На самом деле мне достаточно беглого взгляда по тексту, чтобы без всякой программы «антиплагиат» выяснить, скачал студент работу или сделал сам, используя разные источники. И передо мной совершенно не уникальный проект. И судя по всему, девушка прочитала только предисловие.

– Кем были первые критики теории «непонятно чего» Ла-

пласа, мисс Мейсон? – бесстрастно спрашиваю я.

– Наверное, другие философы, – пробормотала она потерянно.

– Или физики? – приподняв брови, предполагаю я.

– Да, физики, – поддакивает она, соблазнительно улыбаясь алыми губами. И явно рассчитывая, что ее улыбка способна заставить меня закрыть глаза на то, что она явилась на защиту совершенно неготовой.

– Или священники?

– Священники? – улыбка сползает с красивых губ.

– Это я у вас спрашиваю, – произношу я, передавая девушке ее «труд». – Но если настаиваете, то я отвечу словами из вашей работы, которые в отличие от вас знаю наизусть, так как принимаю проект по данной теме далеко не первый раз. Теорию Лапласа опровергали именно религиозные деятели, аргументирую это так: *«Эксперимент, опровергающий теорию Лапласа, состоит в том, что мы знаем, что у нас есть свобода выбора. Т. е. свобода выбора в этой конструкции будет лежать в эксперименте, а не в теории. Свобода выбора является для нас исходным материалом того, что мы видим, того, что мы слышим, того, что мы ощущаем.»*.

Все верно, я нигде не ошибся?

– Нет, – опустив глаза, качает головой Руслана.

– На что вы рассчитывали, когда шли сюда совершенно с пустой головой? – напрямик спрашиваю я.

– Ни на что. Мистер Адамсон....

– Я не мистер Адамсон, – резко обрываю ее я. – Он бы поставил вам высший бал за красивые глаза, а я не стану.

– Мы можем обсудить варианты? – с неожиданной смелостью спрашивает девушка, бросив на меня пристальный взгляд. У меня даже дыхание перехватывает. Она что, сейчас пытается меня соблазнить? Я бы за, детка, но увы, не сложились звезды. Не все, как предполагал Лаплас, в этом мире предопределено.

– Кофе был замечательный, мисс Мейсон, но вы так его и не допили, – понизив голос, произношу я.

– Это месть? – прищуриль веки, она слегка приподнимает и без того вздернутый нос и поджимает чувственные губы.

– Это трезвая оценка ваших знаний, – опровергаю я ее предположение.

– Меня отчислят, – в темных глазах впервые за последние десять минут, которые стали для меня не самыми простыми в жизни, появляется искреннее выражение. Она в отчаянии.

– Я прекрасно понимаю вас, мисс Мейсон. Я тоже спал на парах, а по ночам занимался творчеством, или делал вид, что пишу лекцию, а на самом деле строчил в тетрадке свои собственные теории и мысли, которые интересовали меня больше, чем то, что говорил педагог. Но я никогда не приходил на экзамен с пустой головой, рассчитывая обаять преподавателя.

– *Вы тоже писали книги?* – удивленно спросила Руслана, широко распахнув глаза, в которых промелькнуло непри-

крытое удивление.

– Да, был такой грешок, – согласно киваю я без тени улыбки.

– У вас бы все равно не получилось обаять преподавателя, – иронизирует Руслана. Я удивлённо приподнимаю брови.

– Вам хочется пошутить? Думаете это уместно?

– А что мне остаётся делать? – с вызовом спрашивает Руслана. Она злится на меня, хотя кроме себя винить некого.

Я снова смотрю в таблицу мисс Мейсон, размышляя над тем, как можно исправить положение. По большому счету я бы мог закрыть глаза, пойти ей на встречу и поставить необходимые баллы, но что-то меня останавливает. Возможно, мне просто хочется увидеть ее снова по причине, которую я вряд ли сам могу озвучить. Или я чертов садист, которому нравится издеваться над молоденькой студенткой, которая разрывается между творчеством и запрограммированным родителями будущим.

– Вы будете каждый день приходить на мои лекции до тех пор, пока не закроете все свои пропуски, а по итогу мы повторим защиту вашего проекта, – озвучиваю я свое решение. В черных глазах вспыхивает надежда и благодарность.

– До конца семестра остался месяц, – тревожно замечает девушка.

– Вы успеете, если очень постараетесь, – твердо заверяю ее я. – Все понятно, надеюсь?

– Да, мистер Джордан. Предельно, – вздернув подбородок, кивнула Руслана, вставая со стула. – До завтра.

– Завтра? – вздернув бровь, спрашиваю я. – Вы можете начать сегодня. Я читаю лекции до шести вечера. Найдите время, чтобы посетить одну из них.

– Непременно, – пытаюсь скрыть свое раздражение, снова качает головой девушка и, оглушительно стуча каблуками, разъяренно покидает аудиторию. А я не могу удержаться от соблазна проводить взглядом ее обтянутую юбкой соблазнительную попку. Уверен, Адамсон бы не догадался сделать так, чтобы лицезреть ее задницу чаще, чем раз в семестр. Неудачник ты, Робинсон, ухмыляюсь я, довольный собой, размышляя над теорией детерминизма Лапласа. Сейчас я готов с ней согласиться. Если бы не случай на дороге, то я вряд ли выделил бы лицо Русланы в общей массе хорошеньких студенток. Возможно, какие-то события в жизни действительно предопределены. Посмотрим, куда они нас приведут.

* * *

ADark: Уже пять утра, а ты все еще не спишь, Оушэн. Марш в кровать! Опять главу пишешь?

OceanHeart: А вот и нет. Я в ванной греюсь. #

ADark: Требую фотку!!!

*OceanHeart: *фотография крана и голубой плитки**

ADark: Не такую фотку, глупышка. Подразнить меня

хочешь?

OceanHeart: Может, и хочу...

OceanHeart: *фото ног до колена, живота и много-много пены посередине*

ADark: У тебя что, серезка в пупке? Шалунья. Хочу к этим ножкам.

OceanHeart: Угу. Прокколола в пятнадцать лет. К ним или, может, между них спрячешься?:D

ADark: Боюсь, между них может спрятаться только кхм... часть меня.

OceanHeart: Не самая худшая часть тебя)))

ADark: Откуда ты знаешь?

OceanHeart: Дай помечтать. Я представляю себе, что ты чертовски хорош. Без всяких фотографий.

ADark: И это правда.

OceanHeart: Какие мы скромные)

ADark: Прислать фотографию?:D

ADark: *фото торса*

OceanHeart: О нет, ты, и правда, очень хорош. Я тоже к тебе хочу.

ADark: Сладких снов, маленькая, Оушэн. Мне нужно бежать.

OceanHeart: Куда тебе нужно бежать в пять утра?

ADark был в сети одну минуту назад.

Глава 3

Руслана

Он. Мой. Преподаватель.

Какого черта? Что еще за дурацкое совпадение? То, что случилось сегодня – вполне обычное явление для тесного городка Вильянди, откуда я родом, и все друг друга знают в лицо, но никак не для Нью-Йорка, где подобные стечения обстоятельств можно принять за магию, чудо... или *проклятье*.

Да, проклятье, потому что надменный мистер «я знаю все о теории Лапласа» просто раздавил меня, не дав возможности собраться с мыслями и как минимум в себя прийти от шока. Сказать, что я была обескуражена и растеряна, когда увидела Алекса в центре аудитории, как заменяющего мистера Адамсона преподавателя, значит не сказать ничего. Мне стоило огромных физических и моральных сил подойти к нему уверенно и дерзко, как я и планировала, но на деле мои ноги превратились в вату, и я едва ли не упала с высоты своих лодочек. Надеюсь, Джордан не заметил, как дрожали мои колени и губы, ведь мое волнение было вызвано вовсе не страхом перед экзаменом, а *его*... присутствием.

Но еще большим проклятьем станет для меня то, что сво-

им провалом я подписалась на целый месяц изощренной пытки. *Я буду видеть его каждый день* и...чувствовать эти невольные предательские и болезненные спазмы, сдавливающие грудь в тиски, когда чувствую на себе испытывающий взгляд Алекса Джордана.

Трудно описать словами, но его глаза не оставляют меня в покое. Я не могла выкинуть утреннюю встречу из головы, даже когда шла на занятия и повторяла главные цитаты из своего проекта, которые должны были спасти меня на защите. Черт, не было ни секунды, чтобы я не думала о своем спасителе, и мысли о нем изводили мне нервы и просто душили, потому что...глубоко в душе я жалела, что оставила его утром в кофейне. Между нами возникло то самое притяжение, которого я никогда прежде не испытывала. Вспышка, искра, безумный интерес друг к другу с первого взгляда. Не знаю, как, но Алексу удалось пробудить в моем сердце странное и незнакомое мне до сегодняшнего дня чувство – легкий трепет в груди и желание бесконечно узнавать человека, который пьет с тобой по утрам кофе.

Я себе столько нафантазировала, если честно. Что мы снова случайно встретимся, и окажется, что нет у него ни жены, ни второй половинки. *И будем не только кофе по утрам пить...дура*. Не удивительно, что когда я вошла в класс, то чуть не задохнулась от ужаса, встретившись с не менее ошеломленным взглядом каре-зеленых глаз. Однако Алекс быстро скрыл свои эмоции за непробиваемой маской, а вот я не

смогла подавить табун мурашек, которые атаковали мой затылок, спину и руки.

С первой секунды нашей встречи я потерялась в его взгляде. Слегка отстранённый, задумчивый, холодный и в то же время такой пристальный. Взгляд человека, который, казалось бы, знает о тебе все, считывает все тайны души, как с листа... мне почему-то не хотелось быть для Алекса «открытой книгой». Может, поэтому я и ушла из кофейни.

А теперь я для него лишь вертихвостка, которая вместо того, чтобы взяться за ум, «занимается ерундой» и пытается сдать экзамен не благодаря своим знаниям, а с помощью флирта и красной помады.

Позорище.

Неужели гребаный Лаплас был прав? Если бы мистер Адамсон не заболел, я бы больше никогда не встретила Алекса и наверняка бы забыла его уже через неделю. Или нет? Искала бы я его в толпе безликих лиц и равнодушных взглядов среди каменных джунглей Нью-Йорка? Ходила бы в *нашу* кофейню каждое утро, говоря себе, что направляюсь туда только за чашкой кофе, а не в надежде встретить этого мужчину?

Сейчас это уже не важно. Ближайший месяц я его точно не забуду. Я даже не знаю, что хуже – тот факт, что у единственного мужчины, который мне по-настоящему понравился, есть женщина, или то, что он мой преподаватель? А как вам такая новость, что он старше меня лет на десять?

А, нет, стойте, есть кое-что еще хуже и обиднее.

Судя по тому, как он хладнокровно растерзал меня в аудитории, Алекс совершенно ко мне равнодушен. Как бы я ни пыталась очаровать его, он оставался холоден и непрклонен. Его откровенное, броское пренебрежение рождало внутри меня волны негодования и душевного диссонанса: казалось, что утром я общалась совершенно с другим человеком.

Черт, от этого только интереснее.

Направляясь в сторону столовой, прикладываю тыльные стороны ладоней к горячим щекам, ощущая, как они пылают изнутри от волнения и перенесенных переживаний. *Неужели это я?* Уверенная в себе девушка, знающая себе цену, я всегда находила общий язык как с парнями, так и с мужчинами, и с любыми преподавателями. Не помню, чтобы кто-то доводил меня до предобморочного состояния. Алексу удалось не просто меня смутить, а поставить в такое положение, когда даже двух слов связать не смогла.

Боже, да знала я, что такое чертов детерминизм, хоть и работу действительно мне сделал знакомый с параллельной группы и именно за «красивые глазки». Я просто... весь английский язык вылетел из моей головы, когда Алекс начал задавать мне вопросы, глядя на меня этим своим фирменным запелляционным взглядом. Честное слово, взгляд экзекутора и палача, который любит поиграть со своей жертвой прежде, чем срубить ей голову на плахе.

Словно это не он сегодня утром спас меня от смерти. Словно это не мистер Джордан, а кто-то безумно похожий на него угостил меня чашкой кофе и, улыбаясь, рассказывал о своей жизни. Смеялся. Я до сих пор помню бархатистые, заинтересованные нотки в его низком голосе, который хотелось слушать вечно.

И...последнее, пресловутый парфюм. Этот аромат действует на меня, как наркотик, и я просто дурею, не в силах думать ни о чем другом, кроме как о желании уткнуться в его рубашку и бесконечно вдыхать, наслаждаясь ощущением мужского тела рядом. Божественный запах, превращающий меня в безумную кошку, надышавшуюся валерьянкой.

Может, я еще больше думаю о нем потому, что он задел мою гордость и самолюбие. Как он мог не поставить мне зачет? Ему жалко было что ли? Прежде только преподаватели за семьдесят могли устоять перед моей улыбкой. Но с ними на «поблажки» и рассчитывать не стоило. *Но он?*

Неужели...

Может, он гей?

У меня аж кончики пальцев начинает покалывать от необходимости срочно залезть на сайт Колумбийского и прочитать об Алексе Джордане всю доступную о нем информацию.

Отвратительный, действующий на нервы звук отвлекает меня от мыслей об Алексе. Я не сразу понимаю, что звонит мобильный. Уныло поджимаю губы, вспоминая, в какую жалкую кучку осколков на асфальте превратился мой новый

телефон, и нажимаю на кнопку «принять» на старом с разбитым экраном.

Снова копить... снова брать дополнительные рабочие смены, и снова не останется времени на то, что мне действительно важно.

– Привет, моя милая, – судя по голосу, папа в приподнятом расположении духа, и это хороший знак. Отец знает расписание всех моих экзаменов и звонит после каждого... он одержим моими успехами. Не поймите неправильно. У меня самый лучший папа, и я его очень люблю, но этот тотальный контроль... у меня зубы сводит каждый раз, когда я вижу на экране телефона его имя и предвкушаю, как уже через пять минут буду сыта по горло его наставлениями, нравоучениями и сводом указаний о том, как мне нужно жить и что делать.

И так всю мою жизнь – на невидимом аркане, на прозрачной, но от этого не менее тяжелой цепи, которой меня одарила родная семья. Лишь после того, как я поступила в Колумбию, малая часть свинцовых оков, сжимающих мои крылья, ослабла.

Отец не последний человек в Нью-Йорке, у него своя строительная компания. Не самая масштабная, но стабильная и перспективная. И даже меня с Дэниелом, моим младшим братом, он рассматривает как некий «бизнес» и «вложение в будущее». Следуя его гениальному плану, я рано или поздно должна отправиться на стажировку в его компанию, а

в будущем продолжить дело семьи... и это будущее, нарисованное отцом, совершенно не совпадает с моими истинными желаниями.

Уверена, я такая не одна. Но от этого не легче, правда?

«Я вкладываю деньги в твое обучение, дорогая», – недвусмысленно любит повторять отец. «Будь добра, ценить то, что тебе дано. Другие могут только мечтать о подобном уровне жизни», – постоянно слышу от него я.

Тем временем Дэн мечтает стать футболистом, но вынужден целыми днями изучать экономику и несколько языков. На самом деле Дэниел давно обманывает родителей: говорит, что ходит к репетитору по китайскому, а сам занимается футболом в частном клубе, и, черт возьми..., он просто офигенно владеет мячом на поле. Его тренер не раз говорил мне, что он настоящий талант, бриллиант, нуждающийся в кропотливой и долгой огранке, и ему просто необходимо заниматься спортом серьезно и полностью посвятить себя футболу.

И я с ним согласна. Нужно быть совершенно слепым, чтобы не заметить, что по полю Дэн не бегает, а летает и всегда забивает минимум по одному голу в матчах с другими подростковыми клубами.

Отец, конечно, считает, что футбол – это бессмысленное времяпровождение, как и моя «игра в писателя». Для него мое сочинительство не более чем увлечение, хобби. Он считает, что написать хорошую книгу я могу и учась на фа-

культете, от которого меня тошнит, и даже не представляет, сколько энергии, труда, а главное времени необходимо для того, чтобы составить действительно стоящий сюжет, приготовить его крышесносными эмоциями, живыми диалогами, яркими персонажами и чувственной эротикой. При всем нужно еще придать истории объем, глубину и смысл... и отредактировать рукопись раз пять, прежде чем она дойдет до «зрителя».

Задача куда сложнее, чем сдать дурацкие экзамены. И важнее лично для меня, но отцу этого не понять... а мачеха, несмотря на то, тайно поддерживает нас с братом, но никогда не станет перечить и что-то доказывать папе с глазу на глаз.

– Как прошел твой экзамен? Можно поздравить мою отличницу? – на русском спрашивает отец, и по его голосу я чувствую, что он улыбается. Расстраивать его совсем не хочется.

– О да, пап. Но сегодня я получила «В», – уверенно вру я, наконец, заходя в столовую. Здесь так шумно, что я едва его слышу, а значит будет повод поскорее закончить наш разговор и мою ложь во благо.

– Ну... ты же не перестанешь получать стипендию?

Пап, я давно ее не получаю.

Конечно, я не произношу этого вслух.

– Не перестану.

– Лана, ты же знаешь, что мне для тебя ничего не жалко. Но ты должна знать счет деньгам, – строго добавляет он,

вновь начиная меня воспитывать.

– Я ничего у тебя и не прошу, – начиная закипать, выдыхаю я. И это правда. Я почти полностью содержу себя сама, еще и Дэниелу на футбол добавлять умудряюсь.

– Я просто напоминаю. Только правильная мотивация поможет тебе больше трудиться и стать востребованным специалистом в своей области. Ты возглавишь один из филиалов «Maison Corp», и все дороги перед тобой будут открыты! *Все твои мечты сбудутся, Руслана*, – вдохновенно обещает папа, а я возвожу взгляд к потолку, до скрипа сжимая в руке старенький телефон.

Нет, пап. Сбудутся ВСЕ твои мечты. Мои же покроются пеплом в тот день, когда я сяду в кресло управляющей одного из филиалов строительной компании. Это даже звучит жутко скучно. Наверное, для меня это подобно маленькой смерти... а как еще назвать состояние, когда в человеке погибает «истинное я»? *Это буду уже не я.*

– Да, пап, обязательно возглавлю, – скучающим тоном отвечаю я, рассматривая свой красный лак на ногтях. Мне не терпится закончить разговор, но я не хочу показаться грубой и неблагодарной дочерью.

Я тысячу раз рассказывала своим близким о том, что действительно важно для меня, но всегда натыкалась на твердую, непробиваемую никакими словами и аргументами стену. Вот и теперь я решила молчать. Едва ли родители обрадуются, если узнают, что их дочь ночами не вылезит из-за но-

утбука, описывая очередной невротический приступ героя с раздвоением личности, или того хуже – эротическую сцену далеко не самого романтического характера.

– Пап, мне нужно бежать на лекцию, – обрываю я, попутно заполняя свой поднос едой.

– Надеюсь, мы скоро увидим...

– Да. Очень-очень скоро. Передавай привет Стелле и Дэну, я очень по вам скучаю, – бросаю я и кладу трубку. Я действительно по ним скучаю. Но сейчас, когда моя учеба в Колумбийском висит на волоске, я не хочу видеться с ними.

По телефону врать легко, но глаза сразу же выдадут меня отцу.

И я не хочу видеть их осуждающие взгляды. Всю жизнь они оставляли на мне невидимые шрамы, и несмотря на то, что я жила словно принцесса в хрустальном замке, у моей жизни была и есть обратная сторона – полное отсутствие свободы выбора.

Свобода выбора является для нас исходным материалом того, что мы видим, того, что мы слышим, того, что мы ощущаем.

Но... что если мы не выбираем того, что желает наша душа или личность? А делаем определенный выбор только потому, что родились собой, а никем-то другим. Предопределена лишь наша уникальность. Что если у нас есть только иллюзия «свободы выбора»? Мое «я», моя природа и даже мое элементарное желание посвятить себя творчеству – вот что

действительно предопределено, и то, чему я не могу противостоять. Я не могу поступать иначе...

В мыслях вспыхнули знакомые строки одного из философов, которые я прочла, когда искала материалы для написания своего романа:

Человек может делать то, что он желает, но не может желать, что ему желать...

Почему все это не пришло мне в голову раньше? Все мои знания, красноречие и уверенность куда-то пропали на экзамене. Алекс наверняка уже поставил на мне незримое клеймо поверхностной, глупой, куклы. Обидно.

– Боже, Ру, – вздрагиваю, когда недовольный голос подруги отрезвляет меня от подобных рассуждений и самокопания. – У тебя такой вид, словно ты о квантовой физике думаешь, – подруга приподнимает идеально изогнутые брови и взмахивает длинными светлыми волосами прежде, чем сесть напротив за мой столик. – Кстати я защитила проект на «В». Представляешь? Я же работу из интернета скачала. Поулыбалась этому Джордану, заговорила ему зубы... все бы экзамены были такими легкими, правда? – Кейт закусывает губы, внимательно разглядывая меня. Надеюсь, она не замечает, как на моем лице отображается единственное и острое в данный момент желание, выпустить коготки и расцарапать ее милое личико. Подруга ведь знает, что я не сдала, и специально меня дразнит.

– Что? – все еще находясь в ступоре, переспрашиваю я,

со злостью размазывая остывшую еду по тарелке. Не может быть. То есть ей мистер Джордан поставил зачет, а мне нет? Мстительный подонок. Все-таки в моем сегодняшнем фиаско виноват недопитый кофе...или...ему просто понравилась Кейт, а я оказалась недостаточно хороша. Черт, даже я не могу отвести от нее взгляда, конечно, и он не устоял.

Одно радует: значит, он все-таки не гей.

– Мистер Джордан поставил мне зачет, – самодовольно повторяет она. – Проснись, Лана, – Кейт щелкает пальцами перед моим лицом, и я, наконец, натянуто улыбаюсь, запихивая в рот как можно больше холодной брокколи. Гадость, но что не сделаешь, чтобы не отвечать подруге...у меня сейчас даже аппетита нет, настолько меня задевает вся эта ситуация.

– Поздравляю. Это здорово, – искренне порадоваться за подругу не выходит, и я сама не понимаю, что со мной такое. – А мне строчки писать целый месяц у него на лекциях...

– Я тебе завидую, дурочка, – переходит на шепот Кейт, слегка прикусывая нижнюю губу. – Он просто секс, правда? Мурашки по коже, – подруга ерзает на стуле, заливаясь румянцем.

– Кто? – я сильнее сжимаю вилку в руке, впиваясь в Кейт цепким взглядом. *Руки прочь, он мой.*

Черт...да какой «мой»? Видеть его не хочу. Мне вообще нельзя защищать экзамен у Алекса. Как бы хорошо я к нему

ни подготовилась, через месяц, я все равно потеряю дар речи, когда снова окажусь так близко к нему. *Я и русский язык забуду, не то чтобы английский.*

– Мистер Джордан, Ру. Что с тобой такое? Ты какая-то растерянная. Не расстраивайся ты так, никто тебя не исключит раньше времени... он же дал шанс пересдать. Рейчел Строу он и этого шанса не предоставил, но она вообще на пары не ходила... а знаешь, я не думала, что в жизни он еще более привлекательный, чем на экране телевизора, – продолжает тараторить об Алексе подруга, словно специально давя на больное.

– На экране телевизора? Он же преподаватель, а не звезда Голливуда, – хихикаю я, хотя мистера Джордана вполне можно представить в роли какого-нибудь фильма с научным уклоном. Уж больно идеально ему подходит роль непоколебимого умника или обаятельного непризнанного гения. Или молодого доктора Хауса...

– Ну ты даешь. Ты, правда, не знаешь, кто он? – усмеяется Кейт, жуя протеиновый батончик. – Я часто видела его в Колумбии. Обратила внимание еще давно, после того, как посмотрела один фильм... помнишь, я тебе рассказывала? Называется «Last Victim». Была в диком восторге, а какой там главный герой... он еще у меня три месяца стоял на рабочем столе и глаза тебе мозолил, не помнишь?

– Неа, и что дальше? – напрягаюсь я, замечая влажный блеск в глазах подруги.

– Я потом взялась за книгу, снятую по этому фильму. И угадай, кто ее автор? Алекс Джордан, – она снова щелкает пальцами, и я вздрагиваю, каждый раз испытывая жуткое раздражение, когда она кривляется. – Прочитала всего за два дня, ну ты понимаешь. Для меня это чертовски быстро, я ведь ничего тяжелее VOGUE в руках не держу. Третью ночь я потратила на то, чтобы прочитать несколько интервью Алекса Джордана и посмотреть с ним пару пресс-конференции. Ох, он там такой... – она томно прикрывает веки, еще больше действуя мне на нервы. – У него тогда волосы длинные были, слегка небрежная прическа, весь такой «плохой мальчик»... хотя в роли строгого преподавателя он мне тоже нравится. *И не мне одной, конечно.* Даже обидно, что он преподает у нас, и совершенно невосприимчив к флирту. Что ж, после сегодняшнего экзамена я, можно сказать, познакомилась с человеком, который написал мой любимый роман! – я начинаю кашлять, ощущая, как капуста буквально застревает в моем горле.

Мужчина, который меня спас.

Мой преподаватель.

Хм... популярный, успешный, писатель.

И все это один человек, который внезапно появился в моей жизни. К такому жизнь меня не готовила, черт возьми.

– Не любимый роман, а единственный роман, который ты читала, – не замечая, как срываюсь на грубость, парирую я.

– Не занудствуй, стерва. У тебя просто давно секса не бы-

ло.

– Лучше отсутствие секса, чем спать с теми придурками, которые думают только о себе, – я киваю в сторону шумного столика, за которым сидят ребята из баскетбольной команды, в том числе Колин и молодой человек Кейт. – То есть, он писатель? Серьезно? – снова перевожу тему я.

– Ага. И не какой-нибудь, а номер один в 2015 году по версии журнала New-York Times. Понятия не имею, что он делает в Колумбии, да это и неважно. Главное, что... как думаешь, он так же, как Адамсон, не против легкого флирта, а может и чего-то большего? – Кейт проводит рукой по своим волосам и устремляет мечтательный взгляд в сторону.

– Кейт, он наш преподаватель.

– Но мы же скоро закончим философию и...

– Нет, даже не думай. О чем мы вообще говорим? У тебя есть парень! – возмущаюсь я, и в эту же секунду рядом со мной садится Колин и крепко прижимает к себе. Сначала я теряюсь, потому что чувствую, как от Колина исходит знакомый опьяняющий аромат и даже утыкаюсь в его шею, вспоминая сегодняшнее утро... черт, **он** даже голову мою держал так заботливо. И как умудрился все просчитать, убережет меня от сотрясения мозга? Словно и правда предвидел нашу встречу наперед...

Кидаю взгляд на пролет между столами и понимаю, что это не парфюм Колина. Медленной, уверенной походкой палача, который только что покарал несколько неготовых к эк-

замену душ, по проходу идет Алекс Джордан. Он снял свой пиджак но, черт, лучше бы он этого не делал. Смотрю, как бугрятся мышцы под белой, плотно прилегающей к его мощному телу белой рубашкой, и задерживаю взгляд на поблескивающих серебром запонках и дорогих часах, что стоят куда больше моего телефона. Он выглядит за пределами, мужественно и чертовски сексуально, особенно на фоне набивших оскомину парней, в которых нет еще ни капли мужества и мозгов. Конечно, я обобщаю, ведь далеко не все здесь такие, но лично у меня... никогда не было Мужчины. И большая буква здесь неслучайно. Даже Колин со своими идеальными чертами лица и смазливой улыбкой теряет баллы своей привлекательности, когда я провожаю взглядом своего спасителя.

Должно быть, я сошла с ума.

Качаю головой, переключая свое внимание на Колина. Не уверена, что Алекс на меня смотрит, но просто стараюсь расслабиться и выкинуть из головы, наконец, все мысли о нем... не знаю почему, но я позволяю Колину обнять меня еще крепче и сама не замечаю, как его рука спускается с моей талии ниже.

– Да, детка, у тебя есть парень, – вторит мне Колин, слегка сжимая мою задницу в ладони. Я мгновенно отталкиваю его, испепеляя его недовольным взглядом. Кейт в это время увлечена своим бойфрендом Стивенном, который тоже присоединился к нам. – И он очень хочет позвать тебя в кино.

Сегодня? В пол шестого? – расплываясь в улыбке, снова пристает Колин.

И мне почему-то хочется согласиться. Да, он изменил мне, но мы могли бы остаться друзьями. Кого я обманываю? Мне просто необходимо снять стресс сегодняшнего дня... я готова выйти куда угодно, хоть к папе на работу, лишь бы отвлечься от угнетающих мыслей о том, что меня могут исключить, а бросать свой роман, чтобы подтянуть учебу, я не намерена.

– Эй, кажется тебе нужно на лекцию по философии сегодня вечером? – напоминает подруга, и я хнычу, переводя взгляд на Колина. Он крутит на одном указательном пальце баскетбольный мяч, привлекая к себе внимание сходящих по нему с ума первокурсниц. *Да уж, меня таким давно не впечатлить.*

– О да. Кол, меня могут отчислить, – он снова пытается сжать меня в объятиях, но я вновь отталкиваю его, боковым зрением замечая, как Алекс скрывается в столовой для преподавателей.

– А после лекции? – напрягается Колин, практически вымалывая у меня внимание и время.

– После у меня работа, – начинаю собирать вещи, даже не глядя на того, кто даже разговора со мной не стоит.

– Какая из них сегодня?

– Пою в клубе.

– А ночью?

– А ночью она опять будет стучать по клавишам и мешать мне спать, – замечает Кейт, пряча улыбку за плечом Стивена.

– Все еще занимаешься этой ерундой, Ру? – бросает Стив, заливаясь отвратительным гоготом. Классическим для пу-стоголового спортсмена.

– Стивен, хватит! – предостерегает Кейт, но уже поздно. Я привыкла к подобному. О своем увлечении вообще лучше молчать, но так уж вышло, что если в курсе Кейт – знают и все остальные.

– Эй, ты не охренел так говорить? – неожиданно вспыхивает Колин, резко вставая из-за стола и наклоняясь к своему другу, тычет в его грудь пальцем. Я впечатлена и удивлена, что он вступился за меня. Раньше он всегда злился, когда я предпочитала остаться дома и написать новую главу вместо совместного похода в кино или на вечеринку. А теперь защищает меня...

– Разбирайтесь сами, – гордо вскидывая подбородок, я встаю из-за стола и спокойно удаляюсь прочь от этого столика.

Как сказала Джоан Роулинг, *«писатель – одна из самих одиноких профессий в мире, и вам придется развивать в себе любовь к одиночеству»*. И с каждым днем я убеждаюсь в том, что она права.

Мне бы хотелось поговорить с человеком, который действительно меня понимает, и мне казалось, что я его встретила.

А теперь я направляюсь к нему на лекцию как к преподавателю и с хладнокровной решимостью вычеркиваю его из своих мыслей, как мужчину.

Сделано.

* * *

Я вхожу в аудиторию и сразу ощущаю его присутствие. Не удостоив мистера Джордана и взглядом, я сажусь на первую парту, чтобы у него не возникло никаких сомнений в том, что я примерная девочка и с интересом буду записывать каждое его слово в течение одного месяца. Ага, как же. Новую главу писать буду...но он об этом не узнает.

Первые полчаса лекции я собираюсь начать писать свою историю, но притягательный голос Алекса не дает мне сосредоточиться на мыслях главного героя моего романа. Я заслушиваюсь, он рассказывает действительно интересно, но стараюсь не смотреть на Джордана, лишь изредка кидая короткие взгляды на своего спасителя. *Еще одно совпадение.* Сегодняшняя лекция – вторая теоретическая лекция о теории Лапласа.

– С основами теории мы ознакомились на прошлой лекции. Может быть, у кого-то остались вопросы?

– Да, – непроизвольно срывается с моих губ, и, набираясь смелости, я смотрю в полные огня и любопытства глаза Джордана. – У меня, – Алекс медленно приподнимает бровь,

быстро оглядывая меня с головы до ног, заставляя мою кожу гореть. У меня даже сердце замирает, настолько он... *притягивает меня.*

– Слушаю, мисс Мейсон, – он поправляет галстук, и мне кажется, что это единственный жест, который выдает его... волнение?

– Как вы думаете, – не свожу с него пристального взгляда. – В ситуации... когда, скажем, один человек спасает другого? Например, выталкивает на асфальт, когда на другого несется машина. Что это? Выбор человека или это тоже предопределено? Почему из десятков людей, которые находятся рядом, спаситель всегда один? Что это? Выбор спасителя или спасенного? Судьба? А вам не кажется, что...

– К чему вы клоните, мисс Мейсон? – резко обрывает мои сумбурные рассуждения Алекс, и его брови резко сдвигаются к переносице. У него такой вид, будто еще немного, и его терпение лопнет, и он с позором выставит меня за дверь, забирая шанс на пересдачу.

– К тому, что критики, о которых вы рассказывали на прошлой лекции, были совершенно правы насчет теории Лапласа, на мой взгляд. Я интересуюсь вашим мнением, так как признаю его более компетентным, – расплываюсь в мягкой улыбке я, кусая щеки изнутри.

– Мое мнение таково, мисс Мейсон: вы не были на прошлой лекции, и вам стоит внимательно слушать меня сейчас, а не пытаться поговорить со мной по душам, – Алекс как-то

странно на меня смотрит, а я сдерживаю еще более широкую улыбку, испытывая удовольствие от нашего маленького батла в аудитории. По залу проходит легкий шепоток, но мистер Джордан затыкает всех поднятием левой руки.

– И все же, – настаиваю я, вновь привлекая к себе его внимание. – Когда дело касается спасения человеческой жизни, это выбор одного, обоих, или это предопределенное событие, так сказать, записанное в «книге жизни»?

Уголки его губ, наконец, поднимаются вверх, но мистер Джордан продолжает издеваться надо мной:

– Думаю, это отдельная тема для разговора, и я буду рад, если вы возьмете дополнительный проект на эту тему, мисс Мейсон. Жду от вас эссе на тему «Судьба или выбор, что правит человеком?», – ухмыляясь, дает мне новую задачку Алекс, и я мгновенно закипаю от злости. Вот черт. И кто меня за язык тянул?

Остаток лекции я полностью игнорирую Алекса, даже взгляда не кидаю в его сторону. С остервенением пишу новую главу. Злость и ярость – как раз то, что мне сейчас необходимо. Давно такого не было. Пальцы сами летают по клавиатуре, я не успеваю за мыслью, а мой герой как раз испытывает сейчас подобные чувства. Сцена получается живой и искренней.

После звонка я быстро собираю вещи, чтобы поскорее свалить, но вновь слышу голос мистера Джордана:

– Студенты, что пришли на штрафные занятия, задержи-

теть. Я хочу проверить ваши лекции, – ледяным тоном приказывает Алекс. Из таких студентов тут только я и еще один парень. Черт, он издевается? *Садист он, а не писатель.*

Первый парень быстро показывает Джордану свои лекции и поспешно покидает аудиторию. Я судорожно сглатываю, осознавая, что мы с Алексом остались наедине.

Нехотя открываю ноутбук, показывая ему начало лекции: – И это все, мисс Мейсон? – Алекс с усмешкой глядит на полупустой экран. – Чем вы занимались полтора часа? Вы издеваетесь? Я дал вам шанс, – довольно жестко произносит он, и я вновь чувствую, как воздух накаляется, искрит между нами. Чувствую себя так, словно он специально ищет поводы поругать меня. Ему что, острых ощущений не хватает? Так, может, с парашютом стоит прыгнуть.

– Вы сказали мне посещать лекции. Я пришла. Я что-то сделала не так? – опираюсь рукой на стол, едва заметно отводя бедро. Черт... не собираюсь я его соблазнять, просто... так хочется увидеть того Алекса из кофейни, а не этого мистера зло. Хотя чертовски сексуального мистера зло, от которого у меня мороз по коже и поджилки трясутся.

– Эссе пойдет вам на пользу, мисс Мейсон. И имейте в виду, на экзамене вам поблажек не будет. Если еще хоть раз я проверю вашу лекцию, а вместо текста увижу белый лист – вы будете не допущены, – взгляд Джордана медленно скользит по моему телу, но по выражению его глаз, скрытых коркой льда, я не могу понять: это взгляд заинтересованного

мужчины или осуждающего меня преподавателя?

Наверное, я веду себя глупо. В оправдание лишь скажу, что двадцать лет – самое время для глупостей.

Мне хочется топнуть ногой от обиды, или наброситься на него, отомстив за то, что именно из-за него я буду вынуждена врать своей семье целый месяц. Когда я закрываю ноутбук на его столе, наши руки слегка соприкасаются, и этот импульс пускает жидкий ток по моим венам. Мы медленно поднимаем друг на друга взгляды, и на миг мне кажется... *что он тоже это почувствовал.*

Что он смотрит на меня, как сегодня утром, а я испытываю безумную благодарность за то, что он все-таки спас меня. Приверженцем какой бы теории он ни был, в это мгновение я рада, *что он меня выбрал.* Или я... выбрала Алекса, когда согласилась на чашку кофе.

Не знаю, что на меня находит. Но я совершенно забываю, что он мой преподаватель, и Колумбия совершенно не место для подобного:

– Я думала, вы меня поймете. Когда вы сказали, что писали, мистер Джордан... я думала, что вам знакомо то, что знакомо и мне. И поверьте – не только то, что я пришла на экзамен не подготовленной, помешало мне сдать его. Но с этой минуты я знаю точно – мне ничего больше не помешает, – надеюсь, он понял. Это мой недвусмысленный намек на то, что теперь я к нему равнодушна, или же некое прощание... но даже если бы я предвидела то, что мой день закон-

чится так, знала бы наперед все события...я бы все равно согласилась с ним выпить этот злосчастный кофе. Я бы все равно хотела прожить эти полчаса абсолютной эйфории и счастья, всплеска адреналина в чертовом «Coffee and Books».

Это то, что было мне так необходимо. Почувствовать некий импульс, вдохновение, дыхание жизни. *Наша встреча не закончится ничем хорошим, запомните это.* Но, возможно, даже такая маленькая встреча способна навсегда изменить целую жизнь. Почти эффект бабочки.

– До завтра, мисс Мейсон, – хрипло выдыхает Алекс, и я замечаю, как резко опадает его грудь, и разворачиваюсь, чтобы не дай Бог...не произошло непоправимое.

– Хорошего вечера, мистер Джордан, – я пулей вылетаю из кабинета, чувствуя его взгляд на своей спине или чуть ниже. Между нами словно молния ударила. Совру, если скажу, что на доли секунд не представила, как сажусь прямо на его стол и обнимаю ногами широкий торс мужчины, плавно растягивая белую рубашку...*все, хватит.* Мне нужно остыть.

Алекс

Забавная девчонка. По-настоящему забавная. И не в том плане, что Руслана Мейсон какая-то смешная внешне, нет, с этим полный порядок. Я бы даже сказал, что нахожу ее чертовски сексуальной и уверен, что она прекрасно осознает, какое впечатление производит на противоположный пол. И

мою недвусмысленную заинтересованность девушка заметила сразу. Еще в кафе. Я не слепой и наивный сопляк, чтобы не понять, что и там, и после, в аудитории Руслана флиртовала со мной. В кафе ей просто хотелось произвести впечатление на взрослого мужчину, который, можно сказать, спас ее. Проверить свои женские чары на более серьёзном объекте, чем парни ее возраста, которым было бы достаточно короткой юбки и сложенных бантиком губ, чтобы всерьёз увлечься девушкой. В аудитории мисс Мейсон не растерялась, надо отдать ей должное, и решила закрепить произведённое ранее впечатление. Она собиралась извлечь свою выгоду из нашего случайного знакомства. Только не учла, что со мной подобные наивные манёвры не прокатят. Юность, красота, стройные ножки – это все, конечно, цепляет, но я ежедневно сталкиваюсь с сотней красивых лиц и соблазнительных женских тел, которые не прочь завести со мной интимное знакомство. И не потому, что я какой-то неотразимый альфа-самец, хотя, конечно, мне бы хотелось так думать, а просто потому, что в большом городе к сексу относятся куда проще, чем в моей родной Твери, где все друг друга знают в лицо (утрирую, конечно).

Руслана не собиралась соблазнять меня, она решила немного поиграть, хотя химию, которая между нами возникла, нельзя игнорировать. Но это всего лишь инстинкты. В ее возрасте девушки придают им большее значение, чем следовало бы. Многие идут у них на поводу, а потом жалеют. Я

помню себя в ее годы. Я не пытался думать и анализировать, и, если испытывал желание и имел возможность, то не видел смысла отказывать себе в удовольствии. Парням в этом плане проще. Нам прощают разгульную молодость, а вот девушкам приходится быть более осмотрительными.

Могу с уверенностью сказать, что, если бы мне было двадцать, то я непременно бы поддался очарованию мисс Мейсон. Я бесчисленное количество раз становился объектом обожания симпатичных студенток, особенно, если они знали, кто я. Конечно, чаще всего их интересовал не я лично, а тот ореол загадочности и былой успешности, который создала вокруг меня пресса. Быть кумиром для подрастающих впечатлительных натур никогда не входило мои планы, и до сегодняшнего дня мне даже в голову не приходило воспользоваться интересом очаровательной юной студентки к моей скромной персоне. Всему виной наше нестандартное знакомство и то, что мы успели поболтать до того, как я увидел Руслану в аудитории. В кафе мы были случайными знакомыми, она говорила мне о том, что, я уверен, никогда бы не поведала своим приятелям-однокурсникам или даже родителям. Руслана была уверена, что никогда не увидит меня больше, и именно ее искренность и горящий взгляд, когда она говорила о своих писательских амбициях и мечтах, меня тронула больше, чем демонстративная бравада с недвусмысленной попыткой использовать свои внешние данные для получения высокого бала за работу, к которой она не бы-

ла готова. Лана выглядела такой обиженной и оскорблённой до глубины души, когда я, разгадав все ее манёвры, поставил перед малособлазнительной перспективой каждый день приходиться на мои лекции и навёрстывать упущенное.

Как преподаватель я могу с уверенностью сказать, что поступил правильно. Но, уверен, что Адамсон все-таки принял бы другое, противоположное решение. Не потому что он более слаб перед женскими чарами, вовсе нет. Специальность, которую получает мисс Мейсон, не имеет к философии практического отношения.

Но если она собирается всерьёз подумать над карьерой писателя, а не маркетолога, то ей необходимо развивать в себе такие качества, как усидчивость, ответственность и внимательность. Широкий кругозор и получение всесторонних знаний, навыков и опыта – ключевые инструменты для достижения успеха.

Из всего вышесказанного выходит, что я отличный педагог, который заботится о будущем своей студентки. Снова герой и спаситель?

А вот хрен. Ничего подобного.

Когда мне было дело до будущего моих студентов? Хоть раз? Не готовы – пересдача, отчисление, мне абсолютно все равно, как вы будете вылезать из ситуации, к которой привела ваша лень и разболтанность. Я не запоминаю имен и лиц, провожу лекции, практически не глядя на студентов, точно так же принимаю зачеты и экзамены. Я с лёгкостью пресе-

каю флирт студенток в коротких юбках, приходящих на пересдачу и хлопающих своими ярко-накрашенным ресницами в надежде, что я расту.

Ничего подобного. И дело даже не в запрете отношений между студентами и преподавателями. Я бы нашел способ, как обойти систему. Есть масса вариантов сделать так, как хочется, и так, чтобы никто не узнал. Да, я знаю нескольких коллег, которые не только заводили интрижки со студентками, некоторые даже женились. Сумасшедшие люди.

Не скажу, что мне совсем никогда не хотелось. За пару лет работы здесь было немало очень привлекательных и жутко-настойчивых особ. Мне этот факт не льстит и не раздражает, за годы преподавательской деятельности в Колумбийском университете я привык к подобным вещам. Просто у меня с возрастом выработался инстинкт на красоток, от которых за версту несет неприятностями. Мне не нужны проблемы, обязательства, разбитые сердца, сопли, слезы, мольбы и угрозы.

Но такой здравомыслящий я только пока трезвый. Разум иногда мне изменяет. Но там, где я обычно пью с друзьями или коллегами, проблемных женщин не бывает. Наверное, этот факт и сгубил мой брак.

Хотя, на самом деле, проблем было гораздо больше. И мои походы налево появились позже, чем мы с Анной стали чужими людьми. Конечно, она во всем винила меня, но я и не спорю. Быть женой писателя намного сложнее, чем может

показаться со стороны. Я уходил в свой выдуманый мир на недели, месяцы, а она все время была рядом. Настоящая, реальная, но я не замечал.

Черт, почему я каждый раз возвращаюсь к самобичеванию? Какого хрена я не пытаюсь жить дальше?

– Извлеки свои плюсы из свободы, Алекс. Ты можешь каждый день трахать новую бабу, и никто тебе слова не скажет, – любит за пивом в пабе по пятницам рассуждать Диксон. Он живет со мной по соседству с женой и тремя детьми. И, наверное, завидовать моим бесконечным похождениям ему доставляет особое удовольствие. Я не пытаюсь разубедить его в обратном. Я не такой ходок, как он думает.

Но иногда прецеденты случаются. Однако я точно не буду обсуждать свои приключения с друзьями, как бы им этого ни хотелось, но зато не прочь послушать их байки и сказочные фантазии.

Накидываю пальто и выхожу из кампуса. На ступеньках толпятся студенты небольшими компаниями и расходятся, завидев меня. Некоторые сверлят любопытными заинтересованными взглядами, другие с раздражением отворачиваются (те, кому не повезло прийти на экзамен с пустой головой).

– Приятного вечера, мистер Джордан, – произносит высокая стройная блондинка, делая шаг в мою сторону. Светлые глаза пристально изучают меня с головы до ног, губы заискивающе улыбаются. Кажется, я видел ее раньше. Знакомое лицо.

– И вам, – киваю я, и не сбавляя темпа спускаюсь вниз.

– Меня зовут Мелиса. Мелиса Томпсон. – кричит она мне в след.

Да хоть Мата Хари. Неинтересно.

Пересекаю небольшую лужайку со скамейками с фонтанчиком в центре и направляюсь к выходу. Наталкиваюсь на очередную группу студентов. Одна из девушек напоминает мне мисс Мейсон, но это не она. Просто похожий типаж. Заметив мой взгляд, брюнетка широко улыбается, демонтируя красивые зубы и ямочки на щеках.

– До свидания, мистер Джордан. – произносит она с чувственной интонацией. Мне хочется рассмеяться, но я заставляю себя вежливо кивнуть.

«Я думала, вы меня поймете. Когда вы сказали, что писали, мистер Джордан...я думала, что вам знакомо то, что знакомо и мне.» – всплывают в памяти слова Русланы Мейсон, пока я двигаюсь в людском потоке по широкой улице. Я не беру машину, чтобы не тратить время на пробки. На Манхеттене быстрее передвигаться пешком. Полчаса быстрым шагом, и я дома. Небольшая разминка для мышц и тридцать минут для всяких абсурдных мыслей не будут лишними.

Да, Руслана, конечно, мне знакомо то, что знакомо тебе. Да, черт побери. Я знаю, что такое бессонные ночи, когда горят пальцы и дымится клавиатура. Когда забываешь, какой сейчас день, час, время суток, не помнишь, когда в последний раз ел, пил, ходил в туалет. Это ужасное состояние сред-

ни зависимости. Одержимости. Но когда все только начиналось, я верил, что это дар, особенность, которая отличает меня от других. Мне было чуть больше двадцати, когда у меня появилась первая оконченная книга. Я был счастлив и горд, и мне хотелось писать больше. Пробовать новые жанры. Что я и делал. Мне казалось, что ощущение свободы, которое испытываешь, заканчивая роман, и есть счастье и удовлетворение за проделанный труд, но нет. Пятнадцать лет спустя я придерживаюсь других понятий в отношении того, чем я одержим. Талант, дар, особенность – я больше в них не верю. Я ничем не отличаюсь от тех, кто просто смотрит кино и фантазирует о том, каким бы хотел увидеть свой финал.

Телефон в кармане начинает вибрировать в тот момент, когда я открываю входную дверь. Я беру трубку, не глядя на дисплей.

– Леша, мне нужно, чтобы ты забрал Кристину с танцев. Я не успеваю, – слышу в трубке торопливый голос Анны. Опираюсь спиной на дверь, захлопывая ее, и обвожу взглядом небольшой беспорядок в прихожей, который оставил утром.

– Я тоже рад тебя слышать, Аня, – произношу, взъерошивая волосы и чувствуя себя смертельно уставшим. – Сейчас семь вечера. Ты работаешь до пяти. По-моему, понедельник и пятница твои дни.

– То есть ты отказываешься? – повышая голос, спрашивает Анна. Я качаю головой, потирая переносицу.

– Нет. Просто спросил. Хорошо, я заберу.

– Захвати Марка по дороге. Я заеду за ними после девяти вечера.

– То есть мне везти детей к себе? – уточняю я на всякий случай.

– Да, а ты против?

– Конечно нет, но...

– До вечера, Леш.

– Эй... – в трубке раздаются короткие гулки. Иногда она бывает такой сукой. – Черт, – убираю телефон в карман пальто. Снова выхожу из дома, беру черный Бентли из гаража и еду за детьми.

Кристина уже стоит на ступеньках в коротком голубом пальтишке, белых колготочках и с рюкзачком за спиной. Темные кудряшки заплетены в две аккуратные косички, торчащие из-под шапочки. Заметив мой паркующийся Бентли, она по-детски непосредственно хмурится, явно ожидая увидеть не меня.

– Привет, малышка, – наклоняясь, я целую ее в холодный капризный носик и беру за руку. Крис даже не пытается скрыть своего недовольства. Чем мне нравятся дети – они совершенно не умеют лицемерить и притворяться. Марк постарше, и он не так поддается внушению, как его сестра. А в том, что Аня способна неосознанно настраивать против меня детей, я не сомневаюсь. Не так давно к ней из России приехала мама. И я уверен, что они частенько перебивают мне кости в присутствии Марка и Кристины.

– А где мама? – спрашивает дочь. Я пожимаю плечами и веду ее к машине.

– Хотел бы я знать, – выдыхаю я. – Давно ждешь?

– Нет, только вышла, – качает головой Кристина. Сажая ее на заднее сиденье, пристегивая ремнем.

– Сейчас заберем Марка и поедem ко мне. Ты не против? – глядя в глаза дочери, спрашиваю я. Кристина снова хмурится, поджимая губы.

– И к тебе опять придет эта мерзкая тощая Стейси? – спрашивает она, заставляя меня удивленно вскинуть брови. Вот значит откуда ветер дует. В прошлый раз, когда Кристина и Марк оставались у меня на выходные, Стейси действительно заходила, чтобы обсудить кое-какие рабочие дела. Но время уже было позднее, и дети находились в своих комнатах, и как я предполагал, спали. Мы со Стейс немного поболтали, выпили... и она задержалась буквально на пару часов. Мы вели себя крайне тихо. Я никак не думал, что у детей такой чуткий слух. В следующий раз нужно быть осторожнее. Зато я теперь знаю, почему последние две недели Анна разговаривала со мной в таком резком тоне. Черт, она же сама меня бросила. Мне, что теперь, сан монаха принять?

– Нет, котенок, сегодня мы будем только втроем. К тому же мама обещала приехать, – я натянуто улыбаюсь, целую дочь в лоб и, выпрямляясь, захлопываю дверцу. Завожу машину и двигаюсь к следующему пункту назначения.

– О, пап, привет, – бодро приветствует меня сын, прыгая

на переднее сиденье, оборачивается назад, бросая рядом с сестрой увесистый рюкзак с учебниками. – Салют, мелкая.

– Сам мелкий, – ворчит Кристина. Я невольно улыбаюсь, наблюдая за их короткой перепалкой. Я помню наши завтраки, когда мы еще жили вместе. Я возил детей на занятия утром, и мне доставалось самое тяжелое. Собрать, накормить и разнять. Они постоянно ссорятся и спорят с тех пор, как Кристине стукнуло два, и она поняла, что не является центром Вселенной нашей семьи. Я скучаю по этим временам. Чтобы ни говорила Аня, я был неплохим отцом. Не самым внимательным, рассеянным, но я старался. Главное ведь не то, чтобы не подгорела яичница, а носки на ребенке были одного цвета и куртка одета по сезону? Или я ошибаюсь?

– Сегодня вроде мамин день, нет? – спросил Марк, глядя на меня. Я не видел всего несколько дней, а мне уже кажется, что он чертовски вырос. Я помню, как кормил его детским питанием с ложечки, когда он еще не умел ходить.

Когда родился Марк, я заставил себя оставить на время любимое хобби, и максимально посвящал свободные от работы часы жене и сыну. Мы были счастливы тогда, очень счастливы. Я работал аудитором в небольшой компании, Аня преподавала английский в школе. Обычная среднестатистическая семья. Жили в Твери. Небольшом городке со старинными фонарями, узкими улочками и площадями, советскими трамваями и разбитыми дорогами. Уверен, там до

сих пор ничего не поменялось. По крайней мере, мама завила меня, когда приезжала год назад, что город совершенно не поддается модернизации. Я пытался уговорить родителей переехать в Америку, но, к сожалению, они считают, что человек должен жить там, где родился. К тому же моя младшая сестра Лера живет с ними, и скучать им некогда. Валерию я тоже хотел перевезти вместе с ее мужем и детьми, но она отказалась. Возможно, они правы. Америка не сделала меня счастливым. Я подался мимолетному головокружительному успеху, позволив ему ослепить меня и изменить не в самую лучшую сторону. Но я не уверен, что жалею о принятом решении. Я никогда бы не простил себе, если бы не попробовал. И Аня бы не простила. Здесь для наших детей куда больше шансов добиться успеха в жизни, чем в Твери, которая не поддается модернизации.

– Мама попросила забрать вас к себе. Заедет за вами, как освободится, – отвечаю я сыну на заданный вопрос.

– Ну, конечно, – раздраженно протягивает Марк и отводит взгляд. Я отлично знаю сына, и сейчас мне кажется, он что-то от меня скрывает. Плавно трогаюсь с места и выезжаем на трассу.

– Марк? Тебе есть, что мне сказать? – проницательно спрашиваю я. Но он уже замкнулся, и явно не скажет мне ни слова.

– Нет. Нечего, – коротко отвечает он. – Может, пиццу купим?

– Мне нельзя, – важно сообщает Кристина с заднего сиденья. Я улыбаюсь, глядя на нее в зеркало. Настоящая маленькая принцесса. Танцы и пицца несовместимы. Тут я с ней согласен.

– Никто тебе и не предлагает, – отвечает ей Марк.

– Пиццу никому нельзя. Мама говорила, что такая едва портит желудок, является причиной избыточного веса...

– Замолчи, зануда, – обрывает сестру Марк.

– Не ссорьтесь. Мы заедем в кафе, а вы сам выберете, что будете есть. Договорились? – спрашиваю я тоном миротворца. Дети согласно кивают.

В итоге все сходятся на пицце. Выбираем самую большую с грибами, ветчиной, сыром и курицей и едем домой в состоянии предвкушения и хорошего настроения. И даже Кристина не возражает. Причем свою порцию съедает намного быстрее нас с Марком, запивая колой. Мы сидим на полу в гостиной перед плазменным телевизором. Я с пивом, дети с газировкой. На коленях тарелки. Идиллия, за которую соцслужбы внесли бы меня в список потенциально опасных родителей.

– Если мама узнает, она тебя убьет, – сообщает Крис. Маленькая вредина. Я усмехаюсь, забирая у нее пустую тарелку и пластиковый стакан из-под колы.

– А мы ей не расскажем. Мороженое будешь?

– Да, – радостно кивает Крис.

Иногда так случается, что даже дерьмовое утро заканчи-

вається вполне себе приятным вечером. Мы болтаем, смеемся. Смотрим мультфильмы. Марк рассказывает о своих успехах в школе, Кристина показывает новые па, которые выучила на занятиях. А я думаю о том, что хотел бы каждый свой вечер проводить именно так. Время летит неумолимо. Я смотрю на часы, заметив, что Кристина начинает зевать. Десять вечера. Набираю Анну, но ее мобильный не отвечает.

– Крис, пошли, я уложу тебя спать, – мягко говорю я, притягиваю руку дочери. Она послушно вкладывает в нее свою тёплую ладошку.

– А как же мама? Она же приедет, – сонным голосом спрашивает дочь, когда я накрываю ее одеялом. Я ничего не менял в спальнях своих детей. Эти комнаты для меня неприкосновенны. У меня в доме бывают и вечеринки, и ночные гости, но в таких случаях я всегда запираю комнаты Марка и Кристины.

– Останешься здесь. Я сам утром отвезу тебя в школу, – отвечаю я, глядя дочку по волосам.

Я возвращаюсь в гостиную через пару минут. Сын сидит на диване, уткнувшись в свой телефон.

– Где мама, Марк? – присаживаясь справа от него, спрашиваю я. – Не думаю, что в лицее занятия длятся до десяти вечера. И она не берет трубку. Может, позвонишь ей со своего?

– Не буду. Я отправил ей сообщение, что тоже останусь у тебя. Я думаю, она сама перезвонит, – не понимая головы,

хмуро говорит Марк.

– У нее кто-то появился? – осторожно спрашиваю я. Сын напрягается и крепче сжимает телефон в руках. У меня падает сердце. Черт. – Это не праздное любопытство. Я просто хочу понять, что происходит.

– А чего ты хотел, пап? – вспыхнув, неожиданно набросился на меня Марк. – Ты ведешь себя так, словно тебе двадцать, а не под сорок. Маме тоже нужно устраивать свою жизнь.

– Ого, – нервно вырывается у меня, я изумлённо смотрю в расстроенное пылающее лицо сына. – Это она тебе сказала? Ты бы такое сам не придумал.

– Считаешь, что я дурак? Может, и она. Но я тоже не слепой. Я читал все статьи о тебе. Там нигде нет ни слова о нас. Ни слова о маме. Только о твоих подружках и этом тупом фильме про извращенцев.

– Ты смотрел фильм? – хмурюсь я. – Тебе еще рано такое смотреть, Марк.

– Очнись, пап. Его даже первоклассники посмотрели. – бросает он мне в лицо. – Наверное, ты очень гордишься своим творением? По мне, так это полное дерьмо. – Он вскакивает на ноги, убирая телефон в карман. Я от потрясения даже двух слов связать не могу.

– Я иду спать, – говорит сын. Я рассеянно киваю, находясь в легком шоке от тирады Марка.

И как только дверь его спальни хлопает, звонит мой теле-

фон.

– Где тебя черти носят, Ань? – рычу я в трубку, чувствуя необходимость высказать ей все, что я думаю о методах ее воспитания и влияния на наших детей.

– Сбавь тон, Леш, – ледяным тоном осаживает меня она. – Я не могла позвонить. Я уже еду. Ты, наверное, забыл, что я не в получасовой доступности от дома работаю, а в Бруклине. Мне ехать больше часа туда и обратно. И это без пробок. Через сорок минут приеду.

– Разворачивайся. Дети спят. Я отвезу их утром сам.

– Ты уверен? – спрашивает она. И мне кажется, что я слышу в ее голосе облегчение. Хочется швырнуть телефон в стену. Но я сдерживаю себя из последних сил.

– Я уверен. Но ты так и не сказала, почему так сильно задержалась?

– Я обязана? – высокомерно интересуется Аня.

– Мы вообще-то женаты, – яростно напоминаю я.

– О, ты еще помнишь об этом? – насмешливо передёргивает она. – Я собираюсь исправить это недоразумение в ближайшее время.

– Что это значит? – напряженно спрашиваю я.

– Ничего не значит, Леш, – теперь в ее голосе появляются уставшие нотки. – Ничего нового. Мы давно разошлись. Пора оформить все официально.

– У тебя кто-то есть? – выдавливаю из себя вопрос, хотя Марк уже дал понять, что ответ будет положительным.

– Да. И уже давно, – подтверждает Аня мои опасения.

– Что? – гневно кричу я в трубку, чувствуя острое желание разнести в щепки стол, который пинаю ногой, и тот врезается в стену с грохотом.

– Я тебя не спрашиваю, с кем ты кувыркаешься в нашей постели.

– Ты сама ушла. Я...

– Ты просто козел, Леш. Признай это. И расстанемся друзьями. И еще, я не обязана перед тобой отчитываться. Я живу дальше. Чего и тебе советую.

– Отлично, – рычу я. – Удачи тебе.

– Спасибо, что позаботился о детях. Доброй ночи.

– Пошла ты, а?

– Взаимно, Леш.

И снова эти долбанные короткие гудки. Черт. Я не думал, что меня так взбесит мысль о том, что Аня кого-то найдет. Бл*дь, я понимал, что молодая красивая женщина не останется без внимания, но... На самом деле мне все время казалось, что наш разрыв носит временный характер. Что ей надоест дуться, и она вернется. Хотя нет, не казалось, мне хотелось в это верить. В глубине души я понимал, что все кончено, но не желал мириться с этим. И дело тут даже не в желании восстановить семью, а в отрицании и в чувстве вины, в осознании, что я все разрушил, что на мне лежит львиная доля ответственности даже за то, что теперь моя жена встречается с другим мужчиной. И она приведет его в дом.

Где живут мои дети. Теперь какой-то мудака будет готовить им завтраки, возить их в школу.

Черт поберет.

Свихнуться можно.

И самое отвратительное во всем этом, что я ничего не могу сделать, ничего не могу изменить или исправить. Мне необходимо успокоиться. Собраться, подумать. Мой брак рухнул не сегодня. Я жил последние два года один и не раз предпринимал попытки исправить отношения с женой, наладить контакт, построить мосты, вымолить прощение. Но ничего не выходило. Видимо, что-то между нами утеряно безвозвратно. Она меня разлюбила, разочаровалась, устала. Мы перестали слушать друг друга, разговаривать, меня поглотила новая яркая жизнь, а Аня не хотела, чтобы я менялся. Новый я ее не устраивал, и, возможно, это стало началом конца. Человек, за которого она вышла замуж, разительно отличался от того, кем я начал становиться. Не сразу. Все происходило постепенно, неосознанно. Любые изменения не происходят внезапно. Это долгий процесс.

Я превращался в раздражительного, циничного, замкнутого, погруженного в собственные мысли, забывающего про дни рождения детей и знаковые даты для нашей семьи недоумка. Все больше уходил в себя, теряя связь с реальностью. А потом неожиданный успех, переезд, мой псевдоним во всех газетах, репортажи, интервью, толпы поклонников, хвалебные отзывы критиков. Мы верили, что новая страна и попу-

лярность изменят нашу жизнь, сделав ее не только более качественной материально, но и оживит отношения. Так и было в первый год. Я был нарасхват, Аня занималась бытом. Дети просто радовались огромному дому и куче новых игрушек. А потом, когда первая волна эйфории спала, я понял, что должен двигаться дальше, что успех одной книги – это не предел моих возможностей. Я стал пытаться писать, но... не выходило ничего дельного, одна сплошная пустота. Я не слышал голосов, не видел новых героев. Словно портал, который был открыт мне ранее, захлопнул перед носом свою дверь. И тогда и начался затяжной творческий кризис, проблемы с алкоголем, раздражительность, вспыльчивость. Аня пыталась меня поддерживать на первых порах, но потом устала. У нее уже было двое детей, и нянчиться со мной не входило в ее планы. Тем более, что более избалованного, неблагодарного и жесткого ребенка, чем я, невозможно представить. Период борьбы с моими тараканами и творческим кризисом для нее стал переломным. И она опустила руки, предоставив меня самому себе, заняв пост стороннего наблюдателя. И в ее глазах появился сначала холод, потом разочарование и пустота. Я видел это еще раньше, когда мы жили вместе. Она тоже старалась сохранить то, что от нас осталось. Мы проиграли. Оба.

Глава 4

Руслана

После лекции я успеваю забрать Дэниела с футбола – обычно он добирается до дома с водителем, но мы решили немного прогуляться в Центральном парке. Он долго рассказывает мне о своих тренировках, и в эти секунды его голубые глаза горят куда ярче, чем рождественские огни, украшающие уже голые деревья. Атмосфера в парке царит волшебная, по аккуратным дорожкам ездят повозки с колокольчиками, и кучером, переодетым в красный, рождественский костюм. Повсюду продают имбирные пряники, карамельные палочки, и елочные украшения. Покупаю себе хрустальную снежинку и так и гуляю с ней по парку, покручивая игрушку в руках. Это невероятно успокаивает, и рядом с братом я отвлекаюсь от всех своих проблем.

– Иногда мне кажется, что я только зря стараюсь. Папа никогда не придет на мою игру... – он со злостью швыряет сухую ветку в траву, с отчаянием глядя на верхушки небоскребов, что возвышаются над голыми деревьями парка. – Я скучаю, – опустив плечи, тихо произносит Дэниел. И мне не нужно спрашивать, чтобы понять, кого он имеет в виду.

Он скучает по маме.

Мне было столько же лет, сколько ему сейчас, когда я в последний раз поцеловала ее перед тем, как уйти на учебу. Я просто бросила «до вечера, мам» и наспех обняла ее, уверенная в том, что вечером мы будем пить чай с конфетами и разговаривать по душам. Мы часто так делали. Даже когда она заболела, мама никогда не переставала улыбаться и интересоваться тем, что происходит в моей жизни. А я не понимала... не понимала, насколько все серьезно, а Дэнни и вообще плохо помнит себя в восьмилетнем возрасте. Даже когда в период обострения болезни прощалась со мной и плакала, я не верила в то, что это по-настоящему. *Это не с нами* – повторяла себе я. Почему-то до последнего была уверена в том, что у нашей семьи, у нашей сказки будет счастливый конец, и мамочка обязательно выздоровеет.

Но как бы сильно я ни молилась, как бы сильно ни верила в то, что она победит болезнь, этого не случилось. В тот вечер, когда я пришла из школы, маму увезли на скорой, и я даже не успела с ней попрощаться...

Я не попрощалась с ней.

Она просто не хотела, чтобы мы с Дэнни приезжали в больницу. Не хотела, чтобы мы видели ее такой.

«Пусть запомнят меня красивой и улыбающейся» – эти мамины слова мне передала бабушка, а дальше...слишком больно вспоминать это. Через три дня ее не стало, и весь мой мир рухнул.

Я потеряла часть своего сердца, большую его часть. И на долгие месяцы ушла в себя.

– Она смотрит на тебя, Дэнни. И гордится тобой, – я кладу руку на голову брата и смотрю на кучерявые облака, медленно плывущие по небу.

– Откуда ты знаешь? Я уже не маленький. Хватит говорить это.

– Ты большой, Дэнни, но ты всегда будешь моим мелким братом. Занозой в одном месте, – улыбаюсь сквозь слезы, сильнее сжимая в руках хрустальную снежинку.

– Я хочу видеть на игре всю семью. Мне надоело, что я ни с кем не могу поделиться своими успехами! – ворчит брат.

– Дурак. Со мной же можешь. Я приду, обязательно приду, мое солнце, – ему четырнадцать, но я все равно прижимаю его к себе, и ободряюще хлопаю брата по плечу.

– У тебя все получится, Дэнни. Верь в свою мечту. Я в тебя верю. Ты все делаешь правильно. Придет день, когда папа будет тобой гордиться. Обещаю, – говорю брату слова, которые мечтаю услышать сама, но на душе все равно становится теплее и легче.

Возвращаясь домой, я собираюсь отправиться на работу, но мне звонит Лидия – управляющая клуба, в котором я иногда подпеваю артистам на бэк-вокале. Смены сегодня не будет, потому что девочка, которую я должна была подменить, сама выходит на работу. Мой телефон без конца обрывает Колин и еще несколько поклонников, но сегодня вече-

ром я их всех посылаю, собираюсь погрузиться в книгу «Last Victim».

Я не хотела читать, правда. Но в мире найдется мало вещей более сильных, чем женское любопытство.

Мне было интересно заглянуть в его душу.

И мной движет именно оно, когда я все-таки вбиваю его имя в поисковой строке гугла в надежде добыть факты, которые меня разочаруют. И мне удастся их найти...

Информации об Алексе чертовски мало. Переехал в Америку по визе для талантливых людей пять лет назад, когда начались съемки по мотивам его романа. Успех был ошеломительный, фильм окупил себя семь раз. Как же он прошел мимо меня? Очевидно, я в это время ко вступительным готовилась. Судя по официальным данным, наш объект не женат, к тому же его постоянно замечают с новыми женщинами и не все они...хм, «хорошего» качества. Некоторые из них похожи на откровенных, дешевых шлюх, которых он цепляет в клубе. Это отвратительно. И чем, интересно, он отличается от Колина? А с виду и не скажешь...

Идем дальше. На нескольких фотографиях я вижу с ним одну и ту же девушку и мгновенно напрягаюсь, прежде чем прочитать статью о его литературном агенте Стэйси Риз.

Больше не в силах терпеть, я покупаю книгу Алекса Джордана в электронной версии, но прежде чем удобно устроиться на диване под пушистым пледом и с чашкой горячего какао с маршмеллоу в руках, я проверяю новые отзывы на свой

роман.

«Это отвратительно. Герой – убогое создание. Почему тридцатипятилетний мужик ведет себя, как малолетка? Писательница, тоже мне. Не смеши, малолетка.» – стараюсь не принимать близко к сердцу слова диванного критика и читаю дальше.

«Слог автора неплох, но сюжет поверхностный, неглубокий. Слишком много эротики, тошнит от этой грязи! Как такое можно писать?!».

«Автору пора завязывать с графоманией, как можно писать о подобных одержимых чувствах? Героиня – бесхребетная кукла, раз полюбила подобное чудовище! Автор, настоятельно рекомендую поучиться, прежде чем выставлять ЭТО на суд читателей...»

«Ужас, сколько стилистических ошибок...»

«Вполне недурно, и я даже читала на одном дыхании, пока не поняла, что это жалкий плагиат на мою любимую Фэрису Толл.»

Какой еще плагиат? Не читала я твою Фэриссу! – хочется кричать мне, но я продолжаю читать задевающие самые глубокие струны в моей душе комментарии по поводу новой главы. Радует одно – количество комментариев, пусть и критикующих мое творчество, перевалило за сотню... мой роман набирает рейтинги из-за дизлайков, а значит совсем скоро его прочтет еще большее количество человек. И оценок хороших прибавилось... несколько постоянных читательниц,

которых, к сожалению, пока не больше двадцати, поделились своими эмоциями, и каждый из них вызвал во мне ощущение радости и надежды... на то, что я не зря столько сил вложила во вчерашнюю сцену. Она действительно решающая в романе. Я собираюсь полностью сломать своего героя, и очень скоро в нем проснется его третья личность.

Внезапно мой старый телефон-развалюха начинает вибрировать, разбитый экран загорается и вспыхивает ярким светом.

У вас одно новое сообщение.

ADark: *Ну, что ты там губы надула?*

Наверное, Дарк уже видел эти жуткие отзывы к моей новой главе и, как всегда, чувствует мое настроение даже на расстоянии. Иногда мне кажется, что он экстрасенс или маг, которому не нужно быть рядом, чтобы «видеть» меня. Всего парой сообщений Дарк доводит меня до такого состояния, что я буквально везде ощущаю его присутствие.

Вам, наверное, очень хочется узнать, кто этот таинственный Дарк. Увы, на это вопрос у меня самой нет точного ответа. Мы с Дарком познакомились почти год назад на этом самом сайте, где я выкладываю свой многострадальный роман. Дарк был одним из первых моих читателей: его положительный отзыв с долей конструктивной критики меня покорила. Хотя сначала я была возмущена тем, что он откровенно пытается «научить» и «указать», как мне нужно писать, но потом поняла, что к его советам стоит прислушаться. Они бы-

ли ненавязчивые, тонкие и чертовски правильные, тактичные и взрослые. И потом я узнала, почему: Дарк признался, что больше десяти лет назад проходил стажировку в одном из крупных издательств.

Пусть наше общение началось не на самой позитивной ноте, но главное то, что оно до сих пор не закончилось, и превратилось в долгие, бессонные ночи, мегабайты памяти и в мое сожаление...о том, что его нет рядом. Порой наша переписка заходила слишком далеко, выходила за всякие рамки...но правда в том, что, когда мы оставались совершенно одни в бесконечном и зыбком пространстве сети и наших желаний, никаких рамок не существовало. *По крайней мере, мне так казалось.*

Какие могут быть рамки, когда мы знаем так мало друг о друге? И в то же время так много.

Дарк почти совсем не говорил о себе. Я не видела фотографий его лица, не слышала голоса. Это странно, но после нескольких дней общения с ним мне стало совершенно все равно, какого у него цвета глаза, волосы, как он одевается, говорит ли правду о своем возрасте, и о своей работе, которая, по его словам, отнимает у него много времени и нервных клеток.

Чтение помогает ему сбросить стресс, расслабить мозг, и на мой роман он наткнулся совершенно случайно – что ж, очевидно и тут постаралась теория Лапласа.

Дарку было наплевать, как выгляжу, и я...до тех пор, пока

мы не переступили черту. *Ту самую черту, когда виртуального общения мало и хочется большего.*

Хочется касаться. Так сильно, что пальцы дрожат, когда набираю ему очередное сообщение. Изучать его, слышать голос и вдыхать запах кожи. В первый раз обнять того, кто еще до встречи успел прикоснуться к моему сердцу. Смотреть в глаза того человека, к которому уже успела так сильно привязаться.

Я бы не стала употреблять слово «влюбилась». Мне все-таки двадцать, а не пятнадцать лет. Но до этого дня Дарк был тем человеком, о котором я думала, когда засыпала.

Был моей первой мыслью по утрам.

И моим сном, виртуальной реальностью, несбыточной фантазией, которая наверняка так и останется за гранью материального мира.

Он был для меня «всем». И «никем» в моей жизни одновременно. Лишь словами на экране телефона, которые я пропускала через свое сердце.

Это про нас – в один день мы могли часами вести бесконечные, философские беседы об устройстве Вселенной и мира, обсуждать психологию, книги, фильмы, людей, погоду, чертовы пробки Нью-Йорка и отвратительно сильный ветер с Гудзона, пробирающий лютым холодом до костей, и даже то, что бы произошло сейчас, если бы мы оказались рядом. В другие дни наше общение само по себе выходило за рамки... виртуально-дружеских.

Я и сама не поняла, как это произошло. Как легкий флирт и парочка высказанных вслух сексуальных фантазий переросла в то, что наши эротические онлайн-игры зашли слишком далеко.

Даже сейчас мои щеки краснеют, когда я вспоминаю о том, каково это было в первый раз. Не знаю, плакать мне или смеяться, но это было куда горячее, ярче, чувственнее, чем в реальности с Колином или любым другим парнем.

Наверное, я обезумела, раз виртуальный секс будоражит меня куда больше реального.

OceanHeart: Иногда мне кажется, что ты установил камеру в моей комнате и наблюдаешь за мной.

ADark: Так и есть. Сейчас ты тяжело вздохнула, а потом улыбнулась. А потом плюхнулась на диван, устав после тяжелого учебного дня.

OceanHeart: Мурашки по коже, когда ты так делаешь. Хватит угадывать! Ты просто слишком хорошо меня знаешь. Или стоишь за спиной.

ADark: О да. Я бы очень.

ADark: Хотел.

ADark: Стоять.

ADark: У тебя за спиной.

OceanHeart: Очень хочешь? Или очень сильно. А, может, очень твердо?

Расплываюсь в глупой улыбке при мысли о его ч...черт, лучше не представлять. Правда. Иначе гормоны сделают

свое дело, и до книги Алекса я сегодня так и не доберусь.

ADark: Ну, за этой попкой в шелковых шортиках может стоять только твердо. И прямо.

Стону в голос, то ли жалея о том, что как-то присылала ему фото перед сном, переодевшись в домашнюю одежду – майка и шорты темно синего цвета с черным кружевом, то ли радуясь тому, что он до сих пор помнит. Или даже хранит эту фотографию. Без лица, разумеется.

OceanHeart: Я бы очень хотела...

Пишу и понимаю, что, если скажу ему сейчас что-то более интимное, мы уже не сможем остановиться.

OceanHeart: Почувствовать, насколько ты твердый.

Накручиваю локон волос на указательный палец, нервно покусывая губы в ожидании его ответа.

ADark: Пошалим, малыш?

Всего два слова вызывают горячую волну в моем теле, низ живота сладко ноет, когда я понимаю, что хочу принять его предложение. Продолжить наш флирт, игру бессмысленную, но такую манящую.

Короткое воспоминание об Алексее заставляет меня слегка очнуться от наваждения. Может, именно встреча с Джорданом повлияла на мой ответ, а может, я просто устала от разочарования, которое всегда наступает после нашей «бурной» переписки с Дарком. И боли от того, что его нет рядом. А может, я просто уже настроилась на чтение и хочу поскорее узнать, что же в романе Алекса такого, что даже не чи-

тающий человек от нее в восторге.

OceanHeart: Нет. Сегодня я тебе изменяю с новой книгой.

Наспех делаю фотографию планшета с открытой страницей электронной читалки и отправляю снимок Дарку. Ответ приходит с небольшой задержкой.

ADark: Ого. Это серьезно. А вот фотку ты мне зря отправила...

Даже столь невинная фотография получилась довольно откровенной, потому что планшет лежал у меня на коленях.

OceanHeart: Может, отправишь свою.

Окончательно осмелев, пишу я. Проходит пять минут, но Дарк мне не отвечает. Но виной тому не моя дерзкая просьба – он даже не прочитал ее. Ушел куда-то... с моей фотографией... хм... чем, интересно, заниматься?

Надеюсь, про свою твердость он преувеличил. Я вообще сомневаюсь в том, что его действительно заводят наши разговоры. Может быть, изредка.

Даже не знаю... но фотографии он просит, и постоянно, и я никогда не отказываю ему, оставляя в тайне свое лицо...

Пожалуй, то, что Дарк сегодня так внезапно отключился – к лучшему. Иначе бы вместо того, чтобы прочитать роман Алекса, я бы снова ушла в мир грязных фантазий с ним. Только был ли в них смысл? Возможно, наше общение пора заканчивать. Однажды он предлагал мне встретиться, но в тот день у меня был семейный ужин, и при всем своем желании я бы не смогла отвертеться. А больше он и не предла-

гает, ссылаясь на постоянные командировки.

В любом случае, наши игры – это путь в никуда. Дальше либо реальная встреча, либо полный разрыв всех связей и контактов. Так будет легче. К тому же с сегодняшнего дня мои мысли заняты еще и Алексом. И кажется, сегодня перед тем, как уснуть, я буду думать о РЕАЛЬНОМ человеке и о его романе...

Первые строки романа Алекса Дж сразу заставляют забыть меня о своем интернет-любовнике.

«Можешь забыть меня, но это не значит, что меня не существует» – читаю эпиграф, и мне уже становится не по себе от этой фразы. Слишком уж сильно она подходит к сегодняшнему дню... *вы предвидели нашу встречу, мистер Джордан?*

О Боже.

Это единственная мысль, которая пульсирует в моих висках до саднящей боли уже спустя полчаса чтения.

Я чувствую себя так, словно автор вспорол мне грудь лезвием и с маниакальной улыбочкой садиста и хищника делает мне операцию на сердце. Без анестезии. Еще и успевает точить инструмент об артерии и дергает их в разные стороны, вызывая в груди такие боли, которых я, слава Богу, в реальной жизни не испытывала...

Еще через час у меня начинают дрожать руки, а по щекам текут реальные слезы, и я яростно откидываю планшет на диван, мечтая сжечь его дотла.

Сердце бешено проламывает ребра. То, что творит герой в романе с девушкой, просто за гранью моего понимания. *Это...нет, не то, чтобы отвратительно, ведь я сама пишу о подобном.*

Просто...

Все настолько реально, живо и по-настоящему, что я чувствую каждое прикосновение главного героя к *ней*, на своей коже. *Его* имя срывается с моих губ. *Ее* слезы текут из *моих* глаз, несмотря на то, что мы с ней чертовски разные, и местами я совершенно не понимаю ее. Это *он* стоит за моей спиной и дышит мне в затылок. Это на моей шее он держит руку и резко сжимает ладонь, время от времени перекрывая кислород.

Я срослась, синхронизировалась, полностью ушла в мир, придуманный автором. *Сон наяву, не иначе.* И я просто боюсь читать дальше. Боюсь, что будет только хуже и больнее, и они так и не обретут счастья, потому что Алекс явно не из авторов, способных на жалость и сострадание к своим героям. Жизнь имеет их во все мес...*простите.*

Направляюсь на кухню и выпиваю два стакана воды, и возвращаюсь к чтению, несмотря на глубокую ночь. *Тот же мне, хотела выспаться и лечь пораньше.* У меня тут такое на руках творится. Вверх, вниз, мертвая петля, и снова взлет, а потом стремительное падение...

То, как Джордан складывает слова в предложения и играет с ними – это музыка души. И эта песня настолько близ-

ка мне, что даже кончики пальцев дрожат от восхищения и странного чувства... *близости*? Наверное, у всех создается подобная иллюзия, потому что в его романе слишком сильно видна его личность и уникальный, свойственный только ему голос.

Я никогда не научусь так писать. Возможно, Алекс поцелован Богом, а может, он и сам Бог пера, а, возможно, я делаю поспешные выводы, и это всего лишь один достойный у него роман? Как бы там ни было, я впечатлена.

Скорее околдована музыкой его слов. Пронзительной, острой, разбивающей внутренности вдребезги, как звуки органа.

Меня не покидает чувство, что с каждой строчкой, сказанной устами автора, я согласна. Не с героями, а со словами самого Алекса, и, если честно, его новый образ проникновенного писателя снова никак не вяжется у меня с теми фотографиями из клубов...

Я уснула с планшетом в обнимку только после того, как дочитала роман до последней строчки. А когда проснулась, поняла, что снова опоздала на пары.

Глава 5

Алекс

Не знаю, как мне удалось поспать ночью, но очередное дерьмовое утро не заставило себя долго ждать. Разница заключалась только в том, что виной головной боли было не похмелье, а переизбыток мыслей. Я отвёз детей, позвонил Ане, заставив себя извиниться за то, что нагрубил вчера. Я не смирился, черт, но надо пытаться наладить мосты и общаться, как цивилизованные люди. Я знаю, как бывают мстительны женщины, и не хочу, чтобы мы были похожи на другие распавшиеся семьи, бесконечно судящиеся и делящие детей. Я готов признать себя полностью и во всем виновным, и принять любые условия. Мне необходимо общение с детьми и их уважение. Конфликты с Анной негативно скажутся и на отношениях с детьми. Вывод напрашивается сам собой. Мне пора начать реально смотреть на жизнь.

На лекциях удастся немного отвлечься от мучительных размышлений. Как говорил Олдос Хаксили: *«работа ничем, в сущности, не отличается от алкоголя и преследует ту же цель: отвлечься, забыться, а главное, спрятаться от самого себя.»* И я с ним совершенно согласен. Если нет возмож-

ности нажраться, значит нужно немного поработать.

Провожу пару лекций, потом стоически выдерживаю собрание в кабинете ректора Кевина Райта, где я, по негласному обычаю, становлюсь ключевой обсуждаемой фигурой. Такое ощущение создаётся, что кроме как обо мне на педсоветах поговорить больше не о чем. Черт, я, честно говоря, не понимаю, почему меня до сих пор не уволили. Я не отличаюсь пунктуальностью, часто беру отгулы, не заполняю специальную документацию. В коллективе меня откровенно недолюбливают, считая, что я попал сюда по блату, чтобы просиживать штаны и ни хрена не делать. Студенты меня любят по непонятной причине, но опять же успеваемость по моему предмету оставляет желать лучшего. Райт частенько намекает на мою излишнюю требовательность и принципиальность.

– Студент не может знать все по каждому предмету, который у него в расписании. Джордан, тебе стоит пересмотреть критерии оценивания знаний. В данный момент по твоему предмету самый низкий бал успеваемости со всего потока, – пафосно вещает ректор. Другие участники собрания помалкивают, глядя в свои рабочие планшеты. Мне не стыдно, но я не знаю имен и половины своих коллег и даже по смежным направлениям. Я всегда был здесь белой вороной, но никогда не ощущал дискомфорта. Мне нравится моя обособленность от этих светлейших умов Колумбийского университета.

– Я не могу ставить зачет за скачанные работы, сэр, – сухо

отвечаю я, – Вы знаете, что нас тоже проверяют. Мои требования более чем выполнимы. Если студент посещает лекции и немного занимается дома, то проблем не возникает. К тому же я иду на встречу и позволяю неуспевающим посещать дополнительные занятия.

– Это похвальное рвение, но я бы посоветовал при колебании между пятью и шестью балами ставить семь.

– А между одним и двумя? – скептически спрашиваю я.

– Четыре, Джордан. Любое колебание показывает, что студент частично знает предмет, – совершенно серьёзно заявляет Райт, застегивая пуговицу пиджака на своем жирном животе.

– Великолепно, – ухмыляюсь я. – А потом мы спрашиваем, почему уровень культуры у современного общества падает все ниже и ниже с каждым новым десятилетием.

– Не тебе говорить о культуре, Джордан. Судя по гуляющим в сети публикациям, тебя мало заботит уровень культуры подрастающего поколения. – мерзко улыбается Райт. Коллеги поганенько хихикают, спрятавшись за своими планшетами. Я отвечаю ему невозмутимым взглядом.

– Приятно видеть вас в числе моих поклонников, сэр.

Лицо Жирного Тома покрывается красными пятнами.

– Меня беспокоит нравственное лицо педагогического состава Колумбийского университета, – яростно отвечает он. – Репутация, Джордан. Вот что меня интересует. А не твои пошлые книжки.

– Пару лет назад, помнится, вы пели иначе, – сдержанно напоминаю я.

– С тех пор многое изменилось, не так ли? – насмешливо бросает Райт, окидывая меня снисходительным взглядом. – Хотя нет, у коего-кого ничего не меняется. Полный застой.

Бл*дь, а прав ведь любитель фастфуда, полный застой, думаю я, заходя в аудиторию спустя пару минут. И с культурой, конечно, у меня тоже не складывается. Ну и хрен с ним, пусть плюётся ядом. Я знаю, что причина «особого» отношения вовсе не в том, что я как-то в не вписываюсь в высоко-нравственный педагогический состав университета. Они заканчивали колледжи и высшие заведения Лиги Плюща, чтобы занять свои должности. А я пришел ниоткуда, овеванный славой, а мое лицо по-прежнему периодически мелькает на страницах журналов, в то время, как их имен не узнает никто и никогда кроме выпускников университета. Но и они благополучно забудут, как только получают диплом и покинут стены Колумбии.

– Добрый вечер, тема сегодняшней лекции... – начинаю я, обводя взглядом ряды, на которых хаотично расселись студенты. Сегодня много народу. Не знаю, хорошо это или плохо. Наталкиваюсь взглядом на Руслану Мейсон, которая с бесстрастным ожиданием смотрит на меня. – Концепция социальной стратификации и социальной мобильности, – заканчиваю я мысль, и по аудитории проносится недовольный разочарованный шепоток. Я сдерживаю улыбку, вспоминая,

как сам терпеть не мог некоторые нудноватые темы с замудренными названиями. Смотрю в янтарные глаза Русланы, которая не проявляет внешне никаких эмоций и методично вбивает тему лекции в свой ноутбук. Удивительное усердие. Девочка решила взяться за ум. Но я не настолько наивен, чтобы поверить во внезапное послушание и рвение к знаниям по философии. После лекции проверяю у всех наличие конспектов, и тут мисс Мейсон снова удается меня удивить, я даже собираюсь отпустить саркастическое замечание, но она окидывает меня таким равнодушным взглядом, что я предпочитаю промолчать. Руслана покидает аудиторию, сухо попрощавшись, вместе с другими студентами, пока я в небольшом замешательстве провожаю ее взглядом и успеваю увидеть в коридоре brutального парня, который стремительно направляется к ней. Понятно, что у такой симпатичной девушки есть бойфренд, но какого черта тогда она заигрывала со мной? И почему меня вообще это интересует?

К черту. Мне никогда не понять этих вертихвосток. Сам тоже хорош. Докатился до молоденьких студенток. Правильно говорят, седина в голову... Хотя я вроде еще не седею. Непроизвольно провожу пальцами по волосам.

Если вчера все женщины меня хотели, то сегодня я перестал для них существовать. Моя харизма явно претерпела изменения, или отпечаток неудачника на моем лице стал более заметным, чем вчера.

Как бы там ни было, собираюсь проверить свою теорию.

Вечером звоню Стейси Риз и приглашаю ее к себе. Она без лишних вопросов соглашается. Мой бар совершенно пуст. Поэтому прошу ее захватить пару бутылок виски. Заглядываю в пустой холодильник и заказываю суши. Курьер успевает до приезда Стейси.

Когда Риз звонит в дверь, я уже опустошил больше половины из заказанного набора. Надо было подстраховаться пиццей. Не догадался.

– Фу, какая гадость. Ты же знаешь, что я не ем суши, – сморщив курносый нос, фыркает Стейси, бросая укороченное пальто на кресло. Пакет с бутылками ставит на столик перед диваном.

– Правда? Я как-то забыл, – наигранно удивляюсь я, испытывая внутреннее облегчение. Это отличная новость. Мне больше достанется. Ребячество, скажете вы? Нет, это умное подсознание сработало. Окидываю пристальным взглядом суховатую фигуру Стейси, затянутую в короткое черное платье, под которым, я уверен, отсутствует белье. Ни для меня, ни для нее нет сомнений в том, чем закончится встреча, если я приглашаю ее на вечерний виски.

– Не переживай. Я уже достаточно тебя изучила. Поужинала по дороге. – ухмыляется Стейси. Берет пульт, уверенно вырубая плазму. Скидывает туфли, проходит к дивану и садится рядом со мной, собственнически опуская руку на мое бедро. – Только попробуй сказать, что ничего не написал, и я лишу тебя минета, – совершенно серьезно произносит Стей-

си, ведя ладонью вверх, я перехватываю ее запястье прежде, чем она успевает схватить меня за яйца.

– Не спеши, Стейс, – прохладно говорю я и, наклоняясь вперед, беру бутылку, открываю ее и наполняю стаканы.

– По-моему эту фразу обычно я тебе говорю, Джордан, – замечает она, с любопытством разглядывая меня. Я подаю ей стакан, встречаясь взглядом с раскосыми красивыми серыми глазами. Стейси убирает за ухо белокурый локон. Вопросительно приподнимая брови. – Ты ничего не написал, не так ли?

– Мы можем хотя бы иногда поговорить о чем-то кроме написанных или ненаписанных глав? – раздраженно спрашиваю я.

– Ты издеваешься? – яростно шипит Стейси. – Дай мне хоть что-то, Алекс, чтобы я могла убедить редактора не расторгать контракт и не выставлять нам заоблачную неустойку. Ты просил не дергать тебя каждый день, не давить на тебя, и я честно исполняла твое пожелание. Как насчет того, чтобы выполнить свои обязательства?

– Анна нашла себе мужика и собирается подать на развод, – произношу я на одном дыхании, залпом осушая треть стакана неразбавленного виски.

– Боже! Тоже мне новость! – Риз закатывает глаза, словно я сморозил очередную глупость. – Разве ты не говорил, что для вдохновения тебе необходимо страдание? Вот он тот самый момент, Джордан. Ты, мать твою, страдаешь херней уже

год, а я все жду новую гениальную выстраданную идею, но то, что ты мне даешь – полное фуфло.

– Тоже самое сказал мой сын про фильм. Он посмотрел его, Стейс. А завтра и Кристина сможет сделать то же самое. И что они подумают обо мне? Вряд ли в их глазах я буду гениальным автором бестселлеров. Знаешь, о чем подумают мои дети? Они скажут, что я променял нашу семью на порнографические романы, которые гроша ломаного не стоят.

– Напиши сказку, Джордан. Напиши приключенческий роман про подростков. Напиши хоть что-нибудь, или тебя и меня вместе ждет банкротство. Хочешь оставить своих детей без алиментов? Продашь дом, потом машину? А дальше что? Вернешься в свой городишко с клеймом неудачника? Этого ты хочешь?

– Не говори со мной, как с идиотом.

– Не веди себя, как идиот. Ты можешь, Алекс. Дело в твоём чёртовом упрямстве. Что тебя гложет?

– Ничего, я не умалишенный Гилберт Грейп, и меня ничего не гложет. Я не могу писать по указке, не хочу оправдывать чьи-то ожидания. Я пытался написать то, что я хочу, но ты считаешь это дерьмом.

– Это не то, чего ты хочешь!

– Откуда тебе знать?

– Я тебя нашла, Алекс. Я вытащила тебя из такой глуши, где никто и никогда бы не узнал, что существует такой писатель, как Алексей Князев. Я дала тебе билет в большой мир,

и что ты делаешь? НИЧЕГО!

– У меня творческий кризис.

– А мне кажется, что ты просто зазнавшийся осел. Не ищи причины своего бездействия в проблемах с женой. Без пяти минут бывшей женой. Вы не вчера расстались, чтобы устраивать проблему. Дело совсем не в ней и даже не в детях. Разберись в себе, наконец.

– Я не могу. Не знаю, как, – бормочу я, шумно вздыхая, опираясь локтями о колени, и запускаю пальцы в волосы.

– Тебе нужно встряхнуться. Влюбись что ли? Говорят, любовь окрыляет.

– В тебя? – скептически спрашиваю я и протягиваю руку за стаканом. Стейси берет свой, стучается с моим и делает небольшой глоток, оценивающе разглядывая мою помятую физиономию.

– В меня не надо. Это непрофессионально, – с усмешкой говорит Риз, вытягивая длинные стройные ноги. – Ты что-то недавно говорил или бредил про девушку, которую спас от смерти. Если она тебе не приснилась, чем не повод для того, чтобы влюбится? Она хорошенькая?

– Она моя студентка, – мрачно отвечаю я, прикладываясь к прохладному стакану губами.

– Пфф, не верю, что тебя это способно остановить. Роман между студенткой и преподавателем такое же клише, как миллионером и официанткой. Но тебе как раз и нужна такая вот бодрящая душу и тело история.

– Перестань, – отмахиваюсь я. – Она младше меня лет на пятнадцать.

– Какая чушь! А сколько было той стриптизерше, которая оставила тебя без штанов?

Вскинув голову, я вопросительно уставился на Стейси Риз, глумливо мне улыбающуюся.

– Значит, была стриптизерша? – потерянно спрашиваю я.

– Я не стала говорить. Это не очень приятно, когда приходишь в бар с парнем, а он бросает тебя, чтобы оттрахать какую-то малолетку в приват комнате, даже не удосужившись извиниться.

– Черт. Надеюсь, я предохранялся.

– Мы этого не узнаем, так как штаны и упаковка с презервативами, которые ты мог бы пересчитать, наверняка остались у нее.

– А зачем ей понадобились мои брюки?

– Возможно, как трофей. Ты же весь вечер на весь зал рассказывал о том, что ты мега звезда, автор бестселлеров, по которым снят как минимум десяток фильмов. И да, ты еще убеждал всех, что Спаркс и в подметки тебе не годится. Что он нервно курит, перечитывая твои романы в поисках вдохновения.

– Серьезно? – простонал я, хватаясь за голову.

– Ты многих там упоминал, милый. Я просто не все запомнила.

– Ты права, я идиот, – произношу я отрешённым тоном.

– Да, брось. Было забавно. Ты отрывался, мы все смеялись.

– Я выставил себя кретином.

– Все творческие люди немного кретины. Спаркс не узнает о твоём нелестном отношении к его творчеству. Ну, так расскажешь мне о своей студентке?

– Я завалил ее на зачете и заставил написать эссе. Она умная, но я все равно ее завалил.

– Ты говоришь это таким чувственным голосом, что я не совсем уверена, что слово «завалил» означает низкий непроходной бал.

– На самом деле мысль о том, чтобы завалить ее на свой стол, была, но, к сожалению, в аудитории мы были не одни, – ухмыляюсь я, покачивая пальцами почти опустевший стакан.

– Послушай мудрую старую деву, Джордан. Мимолетный горячий роман – это то, что тебе сейчас нужно. Позволь ей быть твоей музой. Вы же, авторы, это умеете. Придумай себе историю и влюбись в нее.

– Тут и придумывать не нужно. Она классная, – пожимаю я плечами, возвращаясь мыслями в кофейню, где Руслана Мейсон рассказывала мне о своем порно-триллере. – И мне кажется, что у нас много общего.

– ВООТ. Только ты же не маленький, сам поймешь, когда нужно будет остановиться. Секс – это круто, но у тебя еще куча нерешенных семейных проблем. Не добавляй себе еще

одну. Просто получай удовольствие.

– А я хотел быть благородным.

Стейси смеется в голос.

– Брось, Джордан. Ты не умеешь быть благородным. За то время, что я тебя знаю, я повидала тебя всяким, но уж точно не благородным защитником девичей чести.

– Уверен, что честь ее защищать уже бессмысленно, – заметил я задумчиво.

– Тогда не понимаю, чего ты до сих пор не действуешь?

– Я не думаю, что это хорошая идея. Давай просто выпьем, Стейс. И, боюсь, что кроме как выпить и поболтать я ни на что не способен.

– Я уже поняла. Не отрываю тебя от фантазий о твоей студентке. Прибереги свой запал для нее. А я подожду, когда в твоём графике найдется место для старой боевой подруги.

– Ты не старая.

– Конечно, нет. Вообще-то я младше тебя на три года, – почти обиделась Стейси. Рассмеявшись я приобнял ее за хрупки плечи.

– Молодая боевая подруга. Так звучит лучше.

– Согласна.

Наутро разговор со Стейси вылетает из моей памяти, но, как ни странно, мне становится легче. Ее ироничное отношение к моим проблемам позволяет и мне увидеть, как много я надумываю и преувеличиваю. Мне необходима перезагрузка. Сколько раз в день я повторяю себе эту штампован-

ную фразу? На самом деле, если следовать тактике визуализации желаний, я должен сказать: Я на пике успеха, у меня появилась гениальная идея, я стою на пороге бешеного успеха. Круто, да? И несложно. Но пьяному фантазировать мне удастся куда проще. Жаль, что пьяная визуализация работает гораздо хуже.

О том, что мне не помешало бы завести интрижку с хорошенькой студенткой, я вспоминаю каждый раз, когда вижу на вечерней лекции Руслану Мейсон. Она почти всегда без косметики и выглядит еще моложе, чем я запомнил ее в кафе. Чувствую себя извращенцем, но мой взгляд все равно снова и снова возвращается к хорошенькому личику. Руслана больше не поражает мои низменные инстинкты обтягивающими юбками и блузками, подчёркивающими ее женственные упругие формы, предпочитая банальные джинсы и скучные закрытые кофточки, но даже в них умудряется выглядеть сексапильно. Или я слишком предвзят, когда дело касается Русланы Мейсон. Она по-прежнему делает вид, что меня не существует, старательно набирая лекции в ноутбук. Мне хочется поддразнить ее, спровоцировать на эмоции, которые выдали бы ее с головой, но что-то меня сдерживает. Да, я не прочь пошалить с юной красивой девушкой, но, когда ее темный наигранно бесстрастный взгляд останавливается на мне, я понимаю, что мое эгоистичное желание может стоить ей разбитого сердца. Но мне ли не знать, что для писателя разбитое сердце – источник бесконечного вдохновения.

Злость, боль, ревность, ярость – это то, что нужно для того жанра, который в данный момент ее интересует. Мы могли бы стать друг для друга чем-то вроде катализатора для нового рывка. Вопрос в том, нужен ли ей этот рывок? Или я опять думаю только о себе.

На протяжении последних двух недель я частенько ловлю себя на мысли, что думаю о своей студентке гораздо чаще, чем стоило бы. Она ведет себя сдержанно, отстраненно, и я тоже не спешу набрасываться на нее, наблюдая за добычей, как уверенный и предвкушающий победу хищник. Уверен, Руслана каждый раз ждет, что я сделаю первый шаг, как-то задену ее, но я намеренно игнорирую девушку, заставляя думать, что забыл о нашем небольшом флирте. Ожидание только обостряет чувства. Уверен, что она обижена моим равнодушием, и ее показная скрупулёзная игра в исправившуюся отличницу – всего лишь ответ на мою холодность. Много на себя беру? Ну и что. Я уверен, что так и есть.

И к концу второй недели я склоняюсь к мысли, что мы выждали значительную паузу, чтобы перейти к следующему этапу.

Пора действовать. Руслана Мейсон, надеюсь, ты оправдаешь мои ожидания и окажешься достаточно умной, чтобы выдержать наш небольшой поединок.

Я прошу ее задержаться после лекции, заметив, как она бледнеет, бросив на меня удивленный взгляд. Однако, когда все студенты покидают аудиторию, она подходит ко мне.

– Вы игнорируете меня, мисс Мейсон? – придавая голосу обиженные интонации, спрашиваю я.

– Что вы имеете в виду? – со смущённой улыбкой спрашивает Руслана. Сегодня она в красной юбке. Скольжу взглядом по красивым ножкам. Я видел и лучше, но в данный момент именно эти ноги занимают все мои мысли и фантазии. Ее красная юбка, как знамя к действию. Это не случайность. Я уверен.

– Вы уже приготовили эссе? – холодно спрашиваю я.

– Ах, да. Проверьте его, пожалуйста, – она протягивает мне флэшку, – Я хочу прочесть ваши замечания по эссе, подправить его, а после защитить. Если, конечно, можно. Мне больше не нужны проблемы... – у нее удивительный мелодичный голосок, даже когда она лепечет что-то невразумительное.

– Хорошо. Проверю, – киваю я, пытаясь показаться немного рассерженным, чтобы она не думала, что я так просто пойду на попятную. Ей придется потрудиться еще лучше, чтобы получить высший бал по философии. Я невольно ухмыляюсь, когда представляю, как именно...

Но я совершенно не представляю, что окажется на флешке с эссе, которую мне передала Руслана, когда чуть позже вечером загружу содержимое карты памяти в свой домашний компьютер.

Лана

Вот уже ровно две недели я не пропускаю штрафные лекции по философии. Я, правда, почти не думаю о мистере Джордане. Достаточно лишь почаще напоминать себе о том, что он мой преподаватель. Я даже придумала себе легенду, что у него есть жена и дети, и я просто не имею права думать о нем. Табу. Запрет. Нельзя...

Но от этого хочется еще больше. Особенно, когда почти не обращаю на мистера Джордана внимание и чувствую на себе его пристальные взгляды, словно он ждет, когда я тоже подниму на него глаза, и мы, наконец, пересечемся взглядами. Но это для нас непозволительно. Еще две недели, и история нашего флирта подойдет к концу.

Наконец, в конце десятого занятия Алекс вновь просит меня задержаться после лекции, и я напрягаюсь, не понимая, что я сделала опять не так:

– Вы игнорируете меня, мисс Мейсон? – он кидает на меня прямой, открытый, слегка обвиняющий взгляд. Его полные губы плотно сжаты, взгляд каре-зеленых глаз с хищным прищуром вновь заставляет меня нервно покусывать свой язык и щеки. Честно говоря, я не понимаю, звучит это как вопрос или утверждение...но мне чертовски тяжело снова стоять к нему так близко.

– Что вы имеете в виду? – сильным от волнения голосом

спрашиваю я. Расплываюсь в улыбке, теребя подол своей красной в клеточку юбки.

– Вы знаете, – холодно замечает Алекс, и лишь пульсирующая вена на его виске выдает возможное равнодушие. – Вы уже приготовили эссе? – спрашивает он, словно хочет ко мне придраться или просто ищет любой повод поговорить со мной. Опять я себе придумываю, да? Романтичная дурочка.

– Ах, да. Проверьте его, пожалуйста, – я протягиваю Алексу флэшку, предварительно достав ее из сумочки. – Я хочу прочитать ваши замечания по эссе, подправить его, а после защитить. Если, конечно, можно. Мне не нужны больше проблемы...

– Хорошо. Проверю, – Алекс забирает карту, и я замечая, как он сжимает зубы, словно что-то в моем поведении его чертовски злит. Но что не так? Я даже не смотрела на него все эти две недели. Глупых вопросов не задавала. Лекции старательно записывала...

И переваривала его роман. Не знаю, вдохновило меня его произведение или наоборот – убило.

И только через два выходных дня, когда я направляюсь в клуб на смену с огромной сумкой через плечо, в которой уместила концертное платье и туфли на неприлично высоком каблуке, я замираю прямо посреди многолюдной Пятой авеню, как вкопанная.

Вот черт.

Летащий на меня турист с гигантскими пакетами поку-

пок чуть не сбивает меня с ног, пока я судорожно вспоминаю о том, что же наделала. По моей спине струится пот, когда до меня в полной мере доходят масштабы бедствия: на флэшке, которую я отдала Алексу, хранится не только мое эссе. Но и мой роман, включая еще не выложенный в сеть эпилог. И кажется... лихорадочно вспоминаю, есть ли на карте памяти компрометирующие меня фотографии. Кажется, там несколько селфи с моего айфона... надеюсь, он не будет смотреть их. Черт возьми, опять мне краснеть в аудитории. Только бы там не оказалось фотографий в купальнике или чего-нибудь еще хуже... там точно были фотографии с Колином... и для него. Какого черта я не стерла их?

– Ты опоздала. Марш приводить себя в порядок! – рывкает Лидия, как только я вхожу в примерную. Улыбнувшись вечно всем недовольной управляющей, с ужасом разглядываю свое отражение: кожа на щеках жутко красная, меня даже пудра не спасет. И все же сцена требует идеального макияжа, поэтому уже через двадцать минут с поверхности зеркала мне улыбается не милая девушка Лана Мейсон, а почти роковая женщина. Такая нужна Алексу? – почему-то вспыхивает мысль в моей голове, но я тут же прогоняю ее прочь.

Наверное, он даже не видит во мне женщину. Глупую ученицу, маленького ребенка, неуклюжую девчонку, которая уронила телефон на дороге... плевать, что он во мне там видит. Я откидываю за плечо роскошные, упругие локоны и снимаю белье, влезая в платье с открытой спиной.

Концерт длится час, и все это время я жутко фальшивлю, особенно когда начинаю переживать о том, что Джордан прочитает мой роман. Честное слово, я потом не смогу ему в глаза смотреть. Лучше пусть меня исключат сразу.

– Ты, как всегда, очаровательна, – улыбается мне Джек – наш бармен, когда я, окончательно сорвав голос, присаживаюсь отдохнуть за барную стойку. Концертная программа закончилась, теперь пространство клуба заполняет электронная музыка, бьющая по оголенным нервам. На танцполе уже всюю происходит мое любимое представление «дикие, пьяные пляски», а за VIP столиками веселятся либо шумные компании, либо «кошельки» со своими шлюхами. Накопленная усталость дает о себе знать, и я испытываю прилив благодарности к Джеку, который без лишних слов преподносит мне клубничный мохито. Мне еще нет двадцати одного года, и клуб могли бы закрыть, а бармена – уволить, но в такой суматохе вряд ли кто-то заметит, что я решила расслабиться после смены.

– Только никому ни слова, – широко улыбается Джек до милых ямочек на щеках, протирая стакан, зажатый в сильных ладонях.

– Конечно, – заговорщицки прикладываю палец ко рту, чувствуя, как уголки губ невольно ползут вверх.

Как там сказал Кейт? У меня давно не было секса. На самом деле, я не очень из-за этого расстраиваюсь. Какой толк в сексе, если нет оргазма? Какой смысл заниматься этим про-

сто так, не испытывая к человеку хмм... *истинного влечения?* Секс со всеми моими парнями приносил мне куда больше пустоты, чем удовольствия... Не знаю, была ли у нас с Колином химия, но мне явно чего-то не хватало. Может, больше времени или его внимания, или хотя бы чувствовать то, что он думает не только о своем удовольствии.

Искать развлечений на одну ночь не в моих правилах, но я все равно со скучающим видом разглядываю подходящих кандидатов, которые только и ждут от меня сигнала, чтобы подойти и познакомиться. Я бы могла завязать новое, интересное знакомство с мужчиной старше себя и напроочь выкинуть из головы одного преподавателя, писателя, и моего личного супергероя в одном лице.

На самом деле я бы выбрала того, кто бы подошел ко мне без всяких сигналов.

Наконец, я томно улыбаюсь статному красавцу в окружении двух блондинок. Самооценка взлетает до небес, когда он почти сразу оставляет своих девиц, направляясь ко мне вальяжной, львиной походкой. Я тут же делаю вид, что потеряла к нему всякий интерес и увлечена коктейлем и разговором с Джеком. Какой это по счету мохито? Третий? Черт, голова немного кружится, но не напиться сегодня было невозможно: иначе я бы себя съела, бесконечно представляя, как Алекс Джордан все выходные ржал над моим романом....

– Мне понравился твой голос, – поворачиваюсь, услышав низкий тембр, и оценивающим взглядом окидываю очеред-

ного «претендента» на свое сердце.

А внутри...ничего.

Сердце не екнуло.

Несмотря на то, что «претендент» очень даже хорош. Мужчина пленительно улыбается мне, проводит рукой по вискам, приглаживая каштановые волосы, которые изрядно потрепали две блондинистые силиконовые куклы. Дорогой костюм как влитой сидит на подкаченной, мощной фигуре, и даже каре-зеленые глаза должны вызывать в душе уже знакомый трепет, но я абсолютно ничего не чувствую к этому незнакомцу и задаюсь лишь одним вопросом: *почему?*

Они же довольно похожи с *ним*. Казалось бы, то, что мне нужно. Приблизительно та же упаковка, но всей душой я просто чувствую...*что содержание не то.*

И мне достаточно всего лишь взгляда, чтобы сделать такие выводы. Может, я еще слишком глупа или молода, но я сразу понимаю, «мой» это человек или нет. Но алкоголь в крови призывает меня продолжить знакомство с привлекательным мужчиной.

– Мой голос? Бросьте, бэк-вокал никогда не слышно. Но сочту за комплимент, – хихикаю я и понимаю, что причиной моего смеха является не волнение, а то, что я уже изрядно перебрала. Джек надо мной поиздеваться решил: для моего веса три бокала мохито на голодный желудок – это уже на грани.

– Райан, – представляется он и берет мою ладонь и, слег-

ка сжимая ее, наклоняется, чтобы поцеловать мою руку. Это неприятно, потому что я ненавижу, когда без спроса влезают в мою зону комфорта.

– Лана, – слегка веду плечом, посылая ему короткие заинтересованные взгляды. Фальшивые, черт возьми, фальшивые. Мне нужно просто убедиться в том, что мои чары еще работают. Потому что на Алекса Джордана они явно не действуют... может, поэтому я перестала на него пялиться в аудитории.

– Может, что-нибудь покрепче? – интересуется он и, не дожидаясь моего ответа, бросает Джеку: – *Эй, парень. Два виски с колой.*

«Претендент» Райан стремительно падает в моих глазах. Он принял меня за легкодоступную дуру, которую можно напоить и трахнуть в туалете клуба... Таких я люблю наказывать, исчезая в самый пикантный момент, и планирую сделать с ним то же самое, пока не вздрагиваю от звука знакомого голоса. Черт, у меня чуть сердце не останавливается от неожиданности.

– Крошка, ты потрясающе выглядишь, – в следующее мгновение в ноздри ударяет запах парфюма, который я узнаю из тысячи, а крепкие, сильные мужские руки плотно обхватывают мою талию. Не успеваю и слова сказать и оттолкнуть Алекса, как чувствую, как он утыкается носом в мою шею всего на мгновение, а потом резко отодвигает коктейль, который только что поставил на барную стойку Джек,

в сторону Райана.

– Чтоб я больше тебя не видел. Девушка со мной, – уверенно заявляет Джордан, кидая уничтожающий взгляд на Райана. Я не понимаю, что происходит.

У меня руки дрожат, пока я ощущаю приступ удушья и легкой эйфории одновременно. И только, когда мой взгляд встречается с до боли знакомыми глазами Алекса, я понимаю одно: *Великий писатель в стельку пьян.*

– Это шутка? Лана, я думал... – начинает Райан, вскидывая брови, но я и слова не могу вымолвить, до сих пор находясь под воздействием чувственных прикосновений Алекса. Он сильно сжимают мою талию, пока его большие пальцы мучительно медленно скользят по моим ребрам сквозь тонкий шелк платья... *о, Бог мой. Так приятно.*

– Я прекрасно знаю, о чем ты думал... Проваливай отсюда, – категоричным, на первый взгляд ровным тоном, но на деле полным откровенной враждебности и угрозы приказывает Алекс.

Дождалась. Того, кто подошел ко мне без всяких сигналов... чертовски пьяного, слегка растрепанного, с расстегнутыми верхними пуговицами на рубашке... Мой взгляд скользит по его открытым ключицам и этим проклятым пуговицам вдоль торса. Промолчу, сколько раз я мысленно расстегивала их дрожащими руками... к черту все это.

– Мистер Джордан... – начинаю я, пытаюсь оттолкнуть Алекса, действительно прикладывая все силы. – Отпусти-

те меня. Вы пьяны. Вы... я ваша студентка! – напоминаю я, нервно оглядываясь по сторонам. В этот клуб часто ходят девочки из моего общежития. Всего лишь одной фотографии хватит, чтобы меня отчислили, а Алекса лишили преподавательской лицензии. Не уверена, что она ему нужна, а вот семья мне не простит такого позора.

– О да. Моя примерная студентка, которая так увлечена записями моих лекций, что за две недели даже не взглянула в мою сторону. Я, знаете ли, мисс Мейсон, люблю, когда студенты смотрят мне в глаза и слушают то, что я говорю, – наконец, мне удастся его оттолкнуть и выровнять тяжелое дыхание. Я начинаю очень жалеть, что не переделалась после концерта. Мне не нужно видеть себя в зеркало, чтобы ощутить острую волну возбуждения, наполняющую каждую клеточку тела. Затвердевшие соски упираются в мягкий шелк платья, и это болезненное приятное ощущение заставляет меня пылать под его взглядом еще сильнее. *Черт, это неправильно и ничем хорошим не закончится.* Мы не должны были встретиться в столь неформальной обстановке.

– Что-то не так, мистер Джордан? – невинно моргаю, пытаясь прикрыть грудь волосами. – Кажется, это вы мне и сказали делать, – вспыхиваю я, не понимая характер его претензий. Уязвленное самолюбие? Словно он недостаточно потешил свое эго, вклеив мне «неудовлетворительно»...

– А ты всегда делаешь все, что тебе скажут, Лана? Какая послушная девочка, – нахмутив брови, Алекс мгновенно

мрачнеет. Холодок бежит по позвонкам, пока наши взгляды вновь ведут неравную борьбу. Клянусь, именно таким я представляла его жуткого героя из романа «Last Victim». Все-таки душу он туда вложил.

– Нет, – резко вздергиваю подбородок. – Но пока в ваших руках вся моя жизнь, а точнее учеба, я предпочитаю вас слушаться. И не называйте меня Ланой, мистер Джордан, – ерничаю я, обращаясь к нему исключительно официально. – Мы с вами не настолько близки.

– Думаю, что после того, что я прочел в эти выходные, я знаю тебя очень хорошо, Руслана, – заявляет Алекс, и от его слов у меня волосы на теле встают дыбом. Только не это... пожалуйста.

– Вы читали? – резко встаю со стула, едва не пошатнувшись на высоких каблуках. Сердце пропускает удар, когда Алекс резко прижимает меня к барной стойке и, не разрывая зрительного контакта, заключает меня в плен, хватаясь за столешницу по обе стороны от моего тела.

– А ты? – не уверена, что наши бедра соприкасаются, но почти... низ живота обдает жаром, в то время как я пропадаю в бездне его потемневших глаз. – Разве ты бы не прочитала?

– В отличие от вас – нет. И я настоятельно рекомендую вам вернуться к той девушке, которую вы зачем-то ради меня оставили, – слегка киваю в сторону соблазнительной длинноногой модели... или шлюхе, которая кидает на Алекса призывные и гневные взгляды. – Надеюсь, папарацци сдела-

ют удачные фотографии для новой статьи на выходе из клуба... отличная пиар компания для нового романа. Это я вам, как маркетолог, советую.

– Ревнуешь, крошка? – выдыхает он, но вместо ответа я бью кулаками по его груди, пытаюсь вырваться. – Стой, Лана, – вдруг просит он и, положив ладонь мне на затылок, мягко сталкивает наши лбы. Его лицо так близко, и свежий аромат парфюма проникает глубоко в мои легкие, заражая меня очередным приступом возбуждения и легкого безумия. *Я прежде никогда не теряла контроль с мужчиной, но с ним я на грани того, чтобы потерять все...*

– Я выйду из этого клуба. Прямо сейчас. С тобой, – его губы замирают в считанных миллиметрах от моих, и это сводит с ума. Сколько раз я себе представляла, что он накрывает мой рот своим, несмотря на то, что нас разделяет непробиваемая стена, и это просто...запретно? Представляла невольно, произвольно, погружаясь в сон...а теперь, когда это все реально, я хочу одного – убежать, испариться. Боюсь, если наши губы когда-нибудь соприкоснутся, обратной дороги из ямы с чертями не будет. *Мы оба стремительно полетим в ад.*

– С тобой, детка, – неровно и немного пьяно выдыхает он. – И мы пойдем ко мне, – приоткрываю рот, подавляя стон, рвущийся из груди. Его губы едва касаются моих, но все же не касаются, и это мучает еще сильнее. Все равно, что ходить по краю, ощущать дикое возбуждение, и знать, что

никогда не получишь желаемое...медленно закусываю губу, тихо всхлипывая.

– Ч-что... – лепечу я, судорожно сглатывая и снова отталкивая его. – Ты нормальный? – всерьез шепчу я, и в этот самый момент происходит вспышка очередного безумия. Его рот резко накрывает мой, но не проходит и доли секунды, как я бью его по щеке, отталкивая от себя. Я сама не заметила, насколько сильно его ударила, но моя ладонь горит огнем...но это пламя не сравнится с чертями и разъяренными искрами, беснующимися в его глазах.

Кажется, я попалась.

Глава 6

«Она была провоцирующе непосредственна.»
Януш Леон Вишневский. «Одиночество в Сети».

Алекс

Честное слово, я не собирался ее целовать. Это произошло спонтанно. Чёртово платье с открытой спиной и ее взгляд, как зеркало отражающий ее эмоции, разбудили во мне животные чувства. А еще эротический триллер, оказавшийся на злополучной флешке, сделал своё дело. И словно в довесок к роману Руслана поместила на флешку папку со своими фотографиями. Некоторые были вполне приличными, но большинство – просто огонь. Я и представить не мог, что за невинным личиком прячется такая тигрица. Хотя вру, после прочтения ее романа именно тигрицу я и представлял, но фантазии не шли ни в какое сравнение с реальностью. О черт, она меня просто добила своими снимками. И кто теперь из нас уверенный хищник? Если Руслана сделала это намеренно, то я готов ей аплодировать стоя. Определенно, это мой типаж женщины, потому как юную наивную девочку я ее больше не представляю. Стоит ли говорить, что до эссе я так и не добрался. Блядь, да я просто забыл о нем совер-

шенно. И кто бы меня осудил за это?

Сегодня я дочитал эпилог ее истории в обнимку с пятничной бутылкой текилы и просто не смог удержаться, чтобы не отправиться на поиски юного дарования, а как раз-таки фотографии и подсказали мне место, где ее можно найти. На нескольких снимках Руслана запечатлена на сцене отлично знакомого мне заведения с микрофоном в руке. Похоже девушка талантлива не только на писательском поприще, но еще и неплохо поет, раз подрабатывает в клубе. Возможно, я даже видел ее раньше, но не обращал внимания, потому что каждый раз был в стельку пьян. То, что сейчас я тоже немного нетрезв, все-таки не повлияло на мое зрение, и увидел я Руслану сразу, как только вошел. Еще перед клубом ко мне прилипла какая-то девица, и я не спешил от нее отделяться, еще точно не зная, как пойдут дела. План свращения Русланы Мейсон был не продуман совершенно. Я просто поддался потребности увидеть ее и поговорить. Хотя разговоры я бы оставил на потом, но не думаю, что мисс Мейсон достаточно искушена, чтобы вот так сразу без приложения усилий с моей стороны запрыгнуть на меня с радостным кличем голодной амазонки.

Я решил на время занять наблюдательную позицию за одним из столиков, игнорируя поползновения в мою сторону от новой знакомой. Все мое внимание было приковано к Руслане Мейсон, которая, забравшись на барный высокий стул, флиртовала с каким-то зрелым плейбоем, попивая коктейли.

В облегающем стройную фигурку платье с открытой спиной, распущенными черными, завитыми в крупные локоны волосами, струящимися по хрупким плечам и ярким вечерним макияжем, она выглядела просто сногшибательно. Я точно так же, как и мудака, который пытался подкатить к ней, пялился то на бесконечные ноги в лодочках на высоченных каблуках, то на красивые руки, то на обтянутую плотной тканью грудь. Мое терпение подошло к концу, когда этот урод начал лапать ее за руки. А потом еще и заказал ей алкоголь. Я прекрасно знаю, что на уме у этого извращенца, сам такой же, но мне можно, а ему нет. Без всякой логики. Я так решил.

И как оказалась, Лана снова ничего не имела против спасения. Я сам не понял, как после избавления мисс Мейсон от назойливого кавалера и небольшой словесной перепалки перешел к действию, заявив, что она поедет ко мне домой, а потом прижал к барной стойке. Я думаю, она была шокирована моим поцелуем больше чем я, но, видимо, я все-таки поспешил с выводами, заметив в ее глазах легко читаемое возбуждение. Я только успел прижаться к приоткрытым губам Русланы, как ощутил серьёзный и увесистый для хрупкой девушки удар по лицу. То, что она дерется, мне даже нравится. Я был бы разочарован, поступи она иначе.

– Это была проверка, – заявил я, отстраняясь и потирая ушибленную щеку. – Отличный удар, детка.

– Я тебе не детка! – рычит она, заставляя меня рассмеяться.

– Хорошо, так мы идем ко мне, *недетка*, – передразниваю я. – Или снова позвать того красавчика? Он нравится тебе больше?

– Иди ты знаешь куда, – говорит Лана по-русски. Опираясь локтем на барную стойку, с любопытством смотрю на покрасневшее от злости и, может быть, не только от злости лицо. Не помню, когда в последний раз испытывал такое удовольствие от прелюдии. Именно так я называю небольшой промежуток возни перед настоящим действием. Некоторым девушкам совершенно не нужна прелюдия, но Лана из другой категории. Придется потрудиться. Но, думаю, она того стоит.

– Назови любую точку на своем теле, и я с удовольствием туда пойду, – ухмыляюсь я, раздвигая губы в улыбке. Она потрясённо открывает рот. Но быстро берет себя в руки.

– Ухо! – выдает она, скрещивая руки на груди. Прищурившись, я скольжу взглядом по стройным бедрам вниз, к ногам и так же медленно поднимаюсь к лицу.

– Ты меня недооцениваешь, детка, – невозмутимо сообщаю я. – Или себя? Неужели ухо – это самая сексуальная часть твоего тела?

– Но ты говорил о точке, – с вызовом напоминает она, вздернув свой аккуратный носик.

– Хочешь, чтобы я назвал вещи своими именами? – понизив голос, спрашиваю я. – Судя по тому, что я прочитал, ты

знаешь много интересных синонимов того, что я подразумевал под словом «точка». Мне перечислить?

– Нет, не надо, – быстро отвечает она, выпрямляя руки, и мой взгляд устремляется на высокую грудь девушки. Чертовски хороша, с некоторым отчаянием отмечаю я. Отчаяние вызвано тем, что я не могу все это попробовать здесь и сейчас, и мне предстоит долгий и мучительный путь прежде, чем она сдастся. Физически она уже готова, но вот с разумом придется поработать.

– Брось, тебе совершенно нечего стесняться. Поверь, это совершенно нормально для девушки твоего возраста...

– Да? – она скидывает бровь, сексуально выгибая бедро. Заставляя меня стискивать челюсти, и я прячу руки в карманах, чтобы снова не напроситься на пощечину. Еще от первой не отошел. – А как насчет тебя, Алекс Джордан? В тридцать шесть лет у тебя тоже возраст, подходящий для написания жесткой эротики?

– Твои шансы на спасение тают на глазах, Лана, – произношу я. – Еще слово о жесткой эротике, и мы займёмся ею прямо здесь.

– А потом проведем ночь в полиции, и после тебе уволят из университета, – заявляет она, посылая мне насмешливую улыбку.

– Ты думаешь, я боюсь потерять работу? – иронично интересуюсь я.

– Не знаю, но никому не нужна репутация озабоченного

преподавателя, домогающегося в клубе до своей студентки.

– Подашь на меня в суд?

– Почему бы нет? Судя по тому, что пишут в газетах, ты богат и знаменит. Для меня это отличный шанс заработать и стать популярной.

– Я могу предложить тебе другой вариант.

– И какой же?

– Пойдем со мной. И я расскажу, – поднимаю руку. Привлекая внимание бармена. – Бутылку текилы, друг, – уверенно говорю я. Лана хватает меня за запястье прежде, чем я успеваю взять свой заказ.

– Я никуда, не пойду с тобой. Еще и с этим, – она презрительно смотрит на бутылку.

– Ты можешь не пить. Маленькая еще. Пьяные девушки вообще непредсказуемы, натворят дел, а потом обвинят в изнасиловании.

– Я не такая.

– Все так говорят.

– Смотрю, у тебя огромный опыт, Джордан. Как тебя зовут на самом деле?

– Алексей Князев, – я протягиваю ей руку. И она инстинктивно вкладывает в мою ладонь свои пальцы. Очередное ироничное замечание вылетает из головы, когда я смотрю в томные лабиринты ее глаз. Ее ладонь дрожит в моей и ощущается так чертовски приятно, так обжигающе горячо. Меня пугает собственное почти неконтролируемое желание.

Это не случайная девушка на ночь. Не стандартная и привычная ситуация, когда каждый из партнеров знает, что хочет получить, начиная сближение. С Русланой совершенно другой случай. *И знаю ее гораздо лучше, чем она думает.* Я старше, и мой опыт позволяет мне видеть гораздо больше и глубже. Дело не только в прочитанном романе, в который она, несомненно, вложила львиную долю себя самой, но и в том, что я вижу сейчас в ее глазах, улыбке, в немногих неловких, дерганных жестах. Не совершаю ли я ошибку? Хоть Стейси и советовала мне влюбиться, на самом деле я этого совершенно не хочу, да и не знаю, способен ли еще на сильные чувства. В двадцать я постоянно влюблялся и так же быстро отходил. А мой брак научил меня тому, что любить вовсе неприятно, это не сплошная радость и удовольствие. Это ответственность, постоянная работа. Это боль и разбитое сердце в итоге. А еще опустошение, дыра в груди, которую ничем не заполнить. Я никогда не захочу пройти этот путь снова. Я до сих пор не зализал старые раны.

– Тебе не нужен был псевдоним, Алексей Князев, – с улыбкой говорит Лана. Я крепче сжимаю ее пальцы, привлекая к себе. Кладу ладонь на ее талию, глядя в настороженные глаза. Она вздрагивает всем телом, но не отстраняется. Воздух между нами накаляется до критической отметки. Еще немного, и я сделаю именно то, о чем говорил ранее. И я надеюсь, нас посадят в одну камеру, чтобы мы могли продолжить начатое.

– В Нью-Йорке у писателя с именем Алексей Князев не было бы никакого шанса.

– Я должна кое в чем признаться, – опуская ресницы, произносит девушка. Мои пальцы скользят вверх по стройной талии, забираются за спину, лаская обнаженную кожу. Ее прерывистое тяжелое дыхание выдает ее состояние с головой, но уверен, что и она прекрасно видит, что делает со мной в данный момент. Мы, наверное, оба сошли с ума, но остановиться уже не сможем. Мне нужно быть умнее, но я не хочу.

– Созрела, чтобы пойти ко мне? – спрашиваю я, почти касаясь губами ее щеки.

– Я тоже прочитала твою книгу, – тихо говорит она.

– Нашла чем удивить. Ее прочитали миллионы, – пожимаю я плечами. Отпускаю девушку, чувствуя на себе оскорбленный взгляд. Хотя, честно говоря, не понимаю, на что она обиделась. Разберёмся по дороге. Достаяю из бумажника купюру и кладу на столешницу. Беру бутылку и протягиваю руку Руслане.

– Пойдем со мной, Лана, – мягко говорю я, глядя в черные глаза. Она хмурится, кусая губы, прекрасно понимая, что конкретно я ей предлагаю. – Ничего не будет, если ты не захочешь. Мы просто поговорим.

– Так я и поверила! – фыркает она. Моя улыбка становится шире.

– Ты блефуешь, детка. Тебе самой хочется до чёртиков, –

самоуверенно заявляю я, только подтверждая очевидный факт.

– Поговорить! – уточняет она, краснея. Лгунья.

– Отлично, будем говорить всю дорогу, – обещаю я, и она позволяет мне взять ее за руку. Мы берем в гардеробе свою одежду и выходим на прохладный воздух Манхеттена. Ноябрь не самый приятный месяц в году. Зато город готовится к Рождеству, утопая в огнях и украшениях. Наша ночная прогулка обещает принести массу удовольствий. Я помогаю застегнуть Лане ее пальто, хотя она постоянно пытается оттолкнуть мои руки, повторяя «я сама».

– Перестань, я просто пытаюсь быть галантным, – говорю я, застегивая последнюю пуговицу, и наклоняюсь, чтобы поднять с тротуара бутылку.

– О да, ты сегодня продемонстрировал просто верх галантности, – усмехнулась Руслана, выразительно глядя на текилу в моей руке. – А ты не думаешь, что нас могут арестовать за распитие спиртных напитков?

– У тебя навязчивое желание оказаться со мной в замкнутом пространстве. Не торопи события, детка.

– Я просила тебя...

– Хорошо, недетка. Я помню, – обрываю я ее и уверенно беру за руку, уводя за собой в сторону небольшого парка.

– Ты всегда так бесцеремонно ведешь себя со студентками? – спрашивает она, стуча каблучками по асфальту.

– Только с самыми симпатичными, – отвечаю я, и она рез-

ко останавливается, окидывая меня яростным возмущенным взглядом.

– Я шучу, же... Лана. Я вообще не обращаю внимания на студенток. Обычно все бывает наоборот.

– Ты чрезмерно самоуверен.

– Я констатирую факт, – пожимаю плечами, как только мы оказываемся на безлюдной дорожке, открываю бутылку.

– Ты алкоголик? – интересуется она, наблюдая за моими действиями.

– Немного, – смеюсь я.

– Не вижу повода для радости.

– Не вижу повода для грусти, – парирую я. – Расслабься.

Забудь, что я твой преподаватель.

– Это непросто. В понедельник мы встретимся на лекции.

– Мы никому не расскажем. Ты же не болтушка, Лана? – делаю глоток прямо из бутылки, вытирая губы тыльной стороной ладони, и протягиваю бутылку девушке. – Я тоже некому не скажу, что ты позволила себе лишнего.

– Я еще ничего не позволила, – вызывающе смотрит на меня мисс Мейсон. Она невероятная.

– Но позволишь. Давай будем на одной волне.

– Этого я и боюсь, – мрачно признается девушка.

– Я же сказал, что ничего не сделаю, если ты не попросишь.

– Ты думаешь, что я буду просить? – округлив глаза, спрашивает Лана, но все-таки забирает бутылку из моих рук. Я

удовлетворённо улыбаюсь.

– Поживем, увидим, – небрежно пожимаю плечами.

– Моя бабушка так говорит, – смеется Лана и делает небольшой глоток.

– Напекаешь на мой возраст? – приподняв брови, спрашиваю я.

– Фу, какая гадость, – морщится она. Надеюсь, это она не обо мне. Я засовываю руку в карман, доставая оттуда конфетку-леденец, которую прихватил в книжном магазине днем. Никогда не угадаете, что я там купил.

Свою книгу. Докатился. Хожу и сам себе поднимаю продажи, а продавец меня даже не узнал. Это полный крах.

– Слабачка, – ухмыляюсь я, протягивая ей конфетку. – Закуси, а то упадёшь.

– Боже, ты точно из России. Только русские закусывают водку одним крошечным леденцом. Еще ириску мне предложи.

– Я бы предложил, но у меня нет, – широко улыбаюсь. – И прошу, не заставляй меня пошлить.

– Ты же не....

– Нет, я имел в виду исключительно ириску, – смеюсь я. Лана делает еще один глоток из бутылки и протягивает ее мне.

– Скажи, что со мной не так? – спрашивает она спустя пару секунд. Я беру ее холодные пальчики, и мы идем дальше. Понятия не имею, куда выведет нас эта извилистая дорожка.

В прямом и переносном смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.